

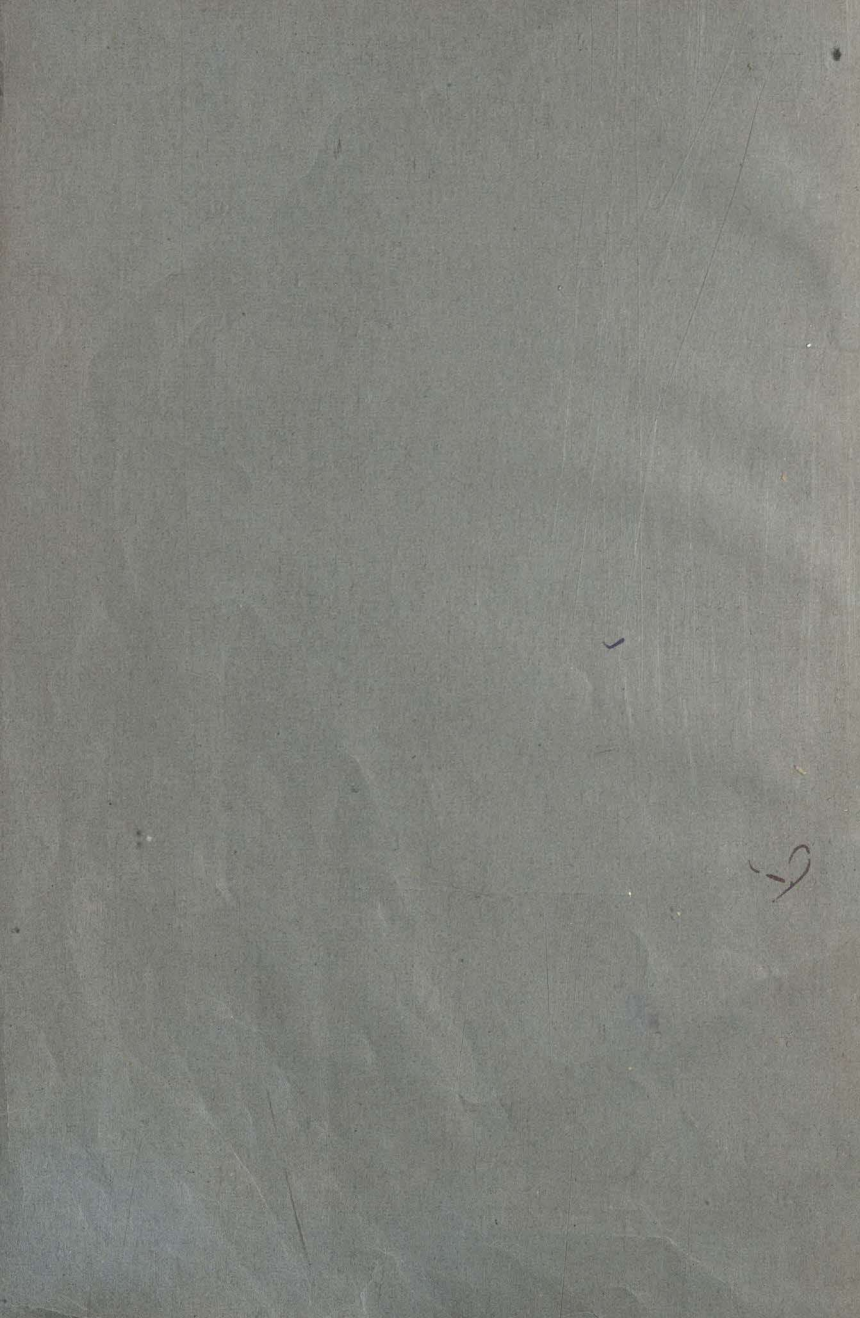
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
НИЖЕГОРОДСКАГО КРАЯ

А. П. Мельникова.

Нижній-Новгородъ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1899.

8
3
5
6
0
9

402.4
Ш-48

XXIII
14025.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

НИЖЕГОРОДСКАГО КРАЯ

А. П. Мельникова.

5074/2

R6781

Нижній-Новгородъ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1899.

Перепечатано изъ „Нижегородскаго Края“ на 1900 годъ.

Историческій очеркъ Нижегородскаго края.

Какъ Кіевъ, который, по справедливому замѣчанію А. С. Гацискаго *), «составляя узелъ для всего днѣпровскаго семейства рѣкъ, долженъ былъ возникнуть самъ собою по однимъ естественнымъ причинамъ, какъ складочное мѣсто для днѣпровскаго сѣвера», такъ точно и Нижній-Новгородъ, подобно Кіеву, стоящему на пути «сизъ Варягъ въ Греки», находясь на срединѣ другого великаго торговаго пути, въ такомъ пунктѣ, какъ устье Оки, долженъ былъ возникнуть самъ собою, какъ необходимое слѣдствіе самаго географическаго положенія мѣстности. Едва-ли можно допустить даже, чтобы на такомъ мѣстѣ, какъ устье Оки, не было-бы значительнаго поселка задолго до присоединенія этой мѣстности къ русскимъ владѣніямъ, тѣмъ болѣе, существуетъ даже и преданіе, что именно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Нижній, еще до появленія здѣсь сюздальскихъ дружинъ, находилось укрѣпленное мордовское сельдбище—Абрамово или Ибрагимово городище, которое нѣкоторые отождествляютъ съ болгарскимъ городомъ Бряхинымъ **). П. И. Мельниковъ дѣлаетъ предположеніе, что задолго до основанія теперешняго Нижняго, у устья Оки находился не болгарскій и не мордовскій, а русскій городъ «Нижній», въ отличіе отъ котораго, городъ, основанный сюздальскими князьями въ XIII вѣкѣ, названъ «Новымъ»—«Новъ-градомъ Нижнимъ» ***).

Во всякомъ случаѣ гипотеза о существованіи города на мѣстѣ или по близости теперешняго Нижняго болѣе

*) См. «Нижегородка» Гацискаго.

**) См. Шпилевскаго «Болгаро-Татарскіе памятники казанской губ.»

***) См. Труды IV археологическаго съезда въ Казани, рефератъ П. И. Мельникова.

чѣмъ вѣроятна, такъ какъ Волга и Ока, какъ замѣчаетъ въ своей «Нижегородкѣ» А. С. Гацскій, «съ незапамятныхъ временъ служили поприщемъ для славянской предприимчивости». Исторія застаётъ славяно-русовъ уже плотно усѣвшимися на верховьяхъ Волги и образовавшими такъ называемую Ростовскую область. Отсюда, начиная съ IX вѣка, въ теченіи трехъ столѣтій, происходитъ мирное колонизаторское движеніе славянъ по теченію Волги.

Къ концу XI вѣка вся верхняя Волга принадлежала славянамъ и украинымъ русскимъ городамъ, на ней былъ Городецъ Радилловъ, нынѣ с. Городецъ балахнинскаго уѣзда. Въ то время, какъ по лѣвому берегу Волги русскія владѣнія простирались почти до устья Ветлуги, по правому они оканчивались у устья Оки. Здѣсь, между окраинами русскихъ владѣній и могущественной тогда Великой Булгаріей, все пространство, занимаемое теперь нагорной частью нижегородской губерніи до устья Суры, покрытое тогда почти сплошь дремучимъ лѣсомъ, заселено было полудикимъ мордовскимъ племенемъ. До половины XII вѣка мы не имѣемъ никакихъ извѣстій объ этомъ племени, но вѣроятно, какъ замѣчаетъ А. А. Савельевъ *), съ мордвой было не такъ-то легко тягаться, какъ съ черемисами, давно къ этому времени уже вытѣсненными съ ихъ «Великаго Китежа», т. е. изъ предѣловъ теперешняго балахнинскаго и семеновскаго уѣздовъ, къ побережьямъ Ветлуги. Мордва сильна была поддержкой со стороны Болгаръ, у которыхъ, какъ надо полагать, она находилась въ нѣкоторомъ подчиненіи.

Мордва становится болѣе извѣстной русскимъ съ конца XII вѣка, когда начинаются походы суздальскихъ и рязанскихъ дружинъ противъ Болгаръ; походы эти въ большинствѣ случаевъ были неудачны для русскихъ и скорѣе походили на простые набѣги, тѣмъ не менѣе они доставляли большія безпокойства враждебнымъ сосѣдямъ—Болгарамъ, мало-по-малу подтачивая ихъ могущество и, что важнѣе всего, окончились въ 1220 г. завоеваніемъ мордовскихъ земель у устья Оки. Завоеваніе суздальцами устья Оки было однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи славянства, это былъ, такъ сказать, первый шагъ къ даль-

*) «Время и причины основанія Н.-Новгорода». А. А. Савельева.

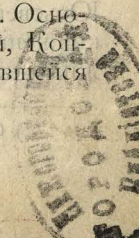
нѣйшему поступательному движенію славянъ по теченію Волги, первый шагъ къ завоеванію Востока. Важность новаго завоеванія глубоко понялъ великій князь суздальскій Георгій Всеволодовичъ, это видно изъ того, что онъ съ дикованьемъ вышелъ на встрѣчу возвращавшимся, подъ предводительствомъ его брата Святослава, побѣдоноснымъ суздальскимъ дружинамъ и низко имъ поклонился.

Почти тотчасъ же послѣ присоединенія устья Оки къ русскимъ владѣніямъ былъ основанъ Нижній-Новгородъ. Годъ основанія его съ точностью неизвѣстенъ, списки нижегородскаго лѣтописца въ этомъ отношеніи разногласятъ, — одни указываютъ 1212 годъ, другіе 1221 г. и, наконецъ, третьи указываютъ 1222 годъ, который и принято, почему-то, считать истиннымъ годомъ основанія Нижняго, хотя, напримѣръ, А. А. Савельевъ *) полагаетъ болѣе достовѣрнымъ годъ 1221, такъ какъ и большинство лѣтописей, Никоновская, Тверская, Воскресенская, указываютъ именно этотъ годъ.

Существуетъ одно легендарное сказаніе, что великій князь суздальскій Георгій Всеволодовичъ, вскорѣ послѣ завоеванія мордовскихъ земель, объѣзжая однажды свои новыя владѣнія, былъ плененъ красотой мѣстности у устья Оки и рѣшилъ здѣсь основать городъ. Разумѣется, не одна красота мѣстности, напомнившая ему, какъ говоритъ та же легенда, кievскія высоты, побудили Георгія основать *городъ*, т. е. укрѣпленіе на мѣстѣ или по близости, быть можетъ, еще ранѣе существовавшаго здѣсь селидбища. Понимая важность новыхъ приобрѣтеній, Георгій Всеволодовичъ естественно старался какъ можно скорѣе здѣсь укрѣпиться и не даромъ, не легко было овладѣть устьемъ Оки, не такъ-то легко было и отстаивать право владѣнія имъ, — еще долгое время пришлось вести упорную борьбу и съ Мордвой, и съ Булгаріей, понимавшей значеніе своей потери. Укрѣпленіе было необходимо.

Нижній-Новгородъ долгое время, какъ пригородъ Суздаля, переходилъ изъ рукъ въ руки въ качествѣ удѣла, но черезъ 100 слишкомъ лѣтъ послѣ своего основанія онъ сдѣлался столицей новаго Нижегородскаго княжества. Основатель новаго княжества, Великій Князь Суздальскій, Константинъ Васильевичъ, не желая подчиняться усиливавшейся

*) «Время и причины основанія Нижняго-Новгорода».

тогда Москвѣ, въ 1350 году перенесъ столицу изъ Суздаля къ устью Оки. Но московское вліяніе слишкомъ быстро возрастало и могущество Москвы въ то время было уже настолько велико, что надеждамъ Константина основать прочно новое сильное княжество несуждено было осуществиться вполнѣ.

Константинъ первый началъ заселять мордовскія земли русскими, онъ приглашалъ на эти земли всѣхъ, кому было угодно; охотниковъ оказалось не мало; сошлось много выходцевъ не только изъ разныхъ концовъ Суздальскаго княжества, приходили и изъ другихъ мѣстъ, издалека спѣша на новыя земли подъ руку Константинову, добрая слава о которомъ гремѣла по землѣ русской. Застучали топоры русскихъ лѣсо-сѣтковъ въ непроходимыхъ лѣсныхъ дѣбряхъ мордовскихъ по берегамъ Волги, Оки и Кудьмы; встрепенулась испуганная мордва, но, не смѣя поднять оружія въ защиту своихъ владѣній, всюду боязливо пряталась при появленіи русскихъ, уходя за Пьяну въ самую глубь лѣсовъ. Такимъ образомъ положено было начало заселенія русскими Нижегородскаго края. Широко раскинулись земли Нижегородскаго княжества по поволжью, отъ Юрьевца до устья Суры; отсюда рубежъ владѣній Константиновыхъ шель по теченію Суры до впаденія въ нее рр. Киши и Алгаша, далѣе граница проходила по теченію р. Пьяны до р. Вада, далѣе земли Нижегородскаго княжества примыкали къ землямъ княжествъ Муромскаго и Стародубскаго, затѣмъ границей служили рр. Ока, Клязьма, дальше нижегородскія земли подходили къ владѣніямъ Московскаго княжества. Кромѣ Нижняго и Суздаля, въ составъ Нижегородскаго княжества входили города Бережець на Клязьмѣ, Юрьеvecъ, Шуя *). Нижегородское княжество занимало весь теперешній уѣздъ Нижегородскій, почти весь Балахнинскій, часть Арзамасскаго, почти весь Горбатовскій, часть Княгининскаго, почти весь Васильскій и Макарьевскій уѣзды Нижегородской губ., Шуйскій, Суздальскій, часть Вязниковскаго Владимірской губ. и Юрьеvecкій Костромской. Мирно протекло недолгое время княженія Константина, который, по словамъ лѣтописца, «княжилъ честно и грозно, бороня свою вотчину отъ татаръ и

*) См. Храпцовскій, часть I-я, глава 3, стр. 16.

отъ сильныхъ князей». Онъ умеръ въ 1353 году, прахъ его погребенъ былъ въ храмъ Боголѣтнаго Спаса, за годъ до того имъ же построенномъ. Гробница Константина Васильевича и до сего времени находится между гробницами другихъ великихъ князей Нижегородскихъ въ каедральномъ Преображенскомъ соборѣ въ подвальномъ этажѣ, а въ самомъ храмѣ стоитъ древняя икона Нерукотвореннаго Спаса, съ которой, по преданію, пришелъ онъ изъ Суздаля.

У Константина было четыре сына—Андрей, Дмитрій-Өома, Борисъ и Дмитрій, по прозванію Ноготь *). Андрей, получившій послѣ смерти отца отъ Чинисбека ярлыкъ на Нижегородское княжество, по примѣру отца, оставаясь въ Нижнемъ, онъ отдалъ Суздаль брату Дмитрію-Өомѣ, а Городецъ Борису; обдѣленный, почему-то, Дмитрій-Ноготь жилъ въ Суздаль. Такимъ образомъ Нижегородское княжество раздѣлилось на три удѣла. Андрей Константиновичъ продолжалъ дѣло своего отца, занимаясь внутреннимъ устройствомъ княжества, онъ продолжалъ заселять русскими мордовскія земли. Для защиты отъ притязаній Москвы онъ старался поддерживать добрыя отношенія съ Ордынскими Ханами, ежегодно отправляясь въ Золотую Орду съ большими дарами. Андрей, очевидно, былъ довольно ловкій дипломатъ; доказательствомъ необыкновенной ловкости его можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Послѣ буйнаго набѣга Новгородскихъ ушкуйниковъ въ 1360 году, погромившихъ побережья Волги, когда грозный Ханъ Золотой Орды требовалъ удовлетворенія отъ русскихъ князей за разореніе болгарскихъ земель, Андрей не только сумѣлъ утишить опасный для всѣхъ русскихъ гнѣвъ Хидаря, но даже спискалъ его особенное къ себѣ благоволеніе. Въ знакъ этого благоволенія онъ получилъ ярлыкъ на Владиміръ; но, какъ дальновидный политикъ, зная, что изъ-за Владиміра неизбежно должны возникнуть распри съ Москвой, открытая ссора съ которой была для него не выгодна, онъ отказался отъ этой чести въ пользу своего брата, Дмитрія-Өомы. Когда же у

*) Кстати замѣтимъ, отъ него произошла старинная дворянская фамилія Ногтевыхъ. У Соловьева мы находимъ другое прозвище четвертаго сына, Константина Васильевича—«Одноокъ», что указываетъ на его физическій недостатокъ.

Омы дѣйствительно вскорѣ возникли раздоры съ Москвою, хитрый Андрей сумѣлъ остаться въ сторонѣ, не ссорясь съ братомъ и не возбуждая противъ себя негодованія Московскаго правительства. Во время княженія Андрея Нижегородское княжество сильно укрѣпилось и почти могло соперничать своимъ вліяніемъ съ Москвою. Нижній при немъ служилъ убѣжищемъ всѣхъ притѣсняемыхъ Москвою мелкихъ владѣтельныхъ князей; въ немъ искалъ пріюта и защиты князь Галицкій, бѣжавшій изъ своего удѣла; въ немъ скрывался князь Стародубскій, выгнанный изъ своего удѣла великимъ княземъ Московскимъ. Во всемъ подражая Московскому двору, Андрей окружалъ себя пышной свитой, держалъ при себѣ и безъудныхъ князей; заботясь о блескѣ своей столицы, онъ старался украшать ее разными сооруженіями. Такъ, въ 1359 году имъ построено было каменное зданіе церкви Архистратига Михаила (нынѣ Архангельскій соборъ). Андрей Константиновичъ княжилъ 10 лѣтъ; послѣдніе годы его жизни были омрачены тяжелыми бѣдствіями, постигшими Нижній-Новгородъ, о которыхъ съ видимымъ ужасомъ передаетъ нижегородскій лѣтописецъ. Моровое повѣтріе, охватившее всю русскую землю, коснулось и Нижегородскаго княжества: народъ умиралъ въ огромномъ количествѣ. Едва зараза начала ослабѣвать, какъ Нижній постигла новая невзгода: наступила страшная засуха,—травы высохали и обращались въ пыль, земля трескалась и отъ необычайнаго зноя загорались лѣса, солнца не было видно въ густыхъ тучахъ дыма, воздухъ наполнялся удушливымъ смрадомъ, на людей напалъ страхъ. Смертельная зараза снова усилилась. Въ Нижнемъ умирало ежедневно до 100 человекъ. «Бысть знаменія на небеси, пишетъ лѣтописецъ, облака были овогда кровавы, овогда черны и мгла стояла три мѣсяца и людѣмъ тогда бысть тягостно и скорбно и рыба въ рѣкахъ мерла». Въ эту-то тяжелую годину и скончался благочестивый и христолюбивый, по выраженію лѣтописца, Великій Князь Нижегородскій и Суздальскій Андрей Константиновичъ, въ 1365 г. *).

*) По списку Арх. Ком. въ 1368 году; по другимъ спискамъ лѣтописца указаны другіе года: 6873, т. е. 1365 г. (Казан., Макарьев.); у Новикова (Др. Рос. Вивл.) обозначенъ годъ 6878, т. е. 1370 годъ.

Со смертью Андрея Нижегородское княжество мало-помалу начинаетъ приходить въ упадокъ, чему способствуютъ постоянныя распри братьевъ (сыновей Константина) изъ-за обладанія Нижегородскимъ столомъ, кромѣ того наступаетъ время тяжелое для всей русской земли—время Мамаева нашествія. Нижній подвергается неоднократному разоренію. Всѣми этими обстоятельствами умѣетъ ловко воспользоваться Москва, подъ власть которой, наконецъ, попадаетъ обезсиленное Нижегородское княжество. Послѣ смерти Андрея Константиновича, по праву старшинства, долженъ былъ вступить на престолъ Дмитрій-Оома, но съ помощью Орды, вопреки всякихъ правъ, престоломъ завладѣваетъ Борисъ Городецкій. Зная, что Дмитрій вступится въ свои права тотчасъ-же по водвореніи въ Нижнемъ, Борисъ занялся укрѣпленіемъ города, велѣлъ копать рвы подъ каменныя стѣны. Но еще не были окончены и земляныя работы, какъ у Нижняго появились дружины Дмитрія подъ начальствомъ его двухъ сыновей—Симеона и Василя (Кирляпъ). Борисъ заперся и не пустилъ племянниковъ, которые отступили на этотъ разъ безъ боя; но не прошло мѣсяца, какъ явился самъ Дмитрій въ сопровожденіи своей матери, княгини Елены и суздальскаго епископа Алексія. Борисъ не пустилъ ни матери, ни брата, а принялъ только епископа. Однако, ни долгія увѣщанія престарѣлаго Алексія, ни ханскій ярлыкъ, который къ этому времени успѣлъ выхлопотать себѣ Дмитрій, ни что не могло склонить Бориса уступить Нижній. Между тѣмъ ханскій ярлыкъ не только утверждалъ права Дмитрія на Нижній, но и возвращалъ незадолго до того утраченныя имъ права на Владиміръ. Не желая ссориться съ Москвой, на помощь которой онъ рассчитывалъ, Дмитрій отъ Владиміра отказался. Московское правительство, однако, долго медлило приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ въ защиту его законныхъ правъ, медлило, быть можетъ, опасаясь ссоры съ Литвой: Борисъ былъ женатъ на дочери Литовскаго князя Ольгерда. Съ другой стороны, было не въ интересахъ Москвы, намѣревавшейся подчинить себѣ Нижній, оставлять въ немъ Бориса болѣе энергичнаго и болѣе, чѣмъ Дмитрій, сильнаго по связямъ. Сдѣлана была еще попытка склонить Городецкаго князя на уступку законнымъ правамъ Дмитрія мирнымъ образомъ: митрополитъ московскій, Алексій, пользовавшійся

громаднымъ вліяніемъ въ дѣлахъ московскихъ, отправить въ Нижній для увѣщанія Бориса инока Троицкой Лавры, Сергія Радонежскаго, съ тайнымъ повелѣніемъ, въ случаѣ безуспѣшности увѣщаній, примѣнить страшную, по тогдашнимъ временамъ, мѣру: именовъ московскаго митрополита Сергій долженъ былъ закрыть всѣ церкви нижегородскія, прекратить богослуженіе и совершеніе всѣхъ требъ. Увѣщанія Сергія оказались тщетными—они не подѣйствовали на Бориса, не смутила его и духовная кара. Тогда Великій Князь Московскій далъ Дмитрію Константиновичу въ помощь его суздальской дружинѣ свои войска. Только когда вѣсть о походѣ Дмитрія во главѣ московскихъ войскъ достигла Нижняго, твердость Бориса поколебалась, онъ вышелъ на встрѣчу брату, прося у него пощады и мира. Такимъ образомъ Дмитрій Константиновичъ съ помощью Москвы овладѣлъ, наконецъ, своей наслѣдственной вотчиной; Борису онъ отдалъ Городецъ, а Суздаль своему сыну, Василю.

Отношенія Нижняго-Новгорода къ Москвѣ измѣнились. Съ паденіемъ могущества Золотой Орды, Нижній потерялъ въ ней свою единственную опору. Нижегородскіе князья, незадолго до того еще соперничавшіе съ Москвой, теперь принуждены были искать съ ней дружбы; для закрѣпленія болѣе прочнаго союза съ Москвой, Дмитрій Нижегородскій устроилъ бракъ своей дочери съ молодымъ Дмитріемъ Московскимъ *). На сколько княженіе Константина и Андрея отличалось мирнымъ характеромъ, на столько княженіе Дмитрія и его пріемниковъ было полно всякаго рода волненій и невгодъ.

Незадолго до смерти своей, Дмитрій Константиновичъ началъ сооруженіе каменныхъ крѣпостныхъ стѣнъ вокругъ города; но ограничился построеніемъ одной башни, которая и до сего времени называется по его имени—Дмитровской и представляетъ собою одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ

*) Въ числѣ приданаго за своей дочерью Дмитрій Константиновичъ далъ богатый поясъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, тотъ самый поясъ, который, въ послѣдствіи, доставшійся сыну Юрія Дмитріевича (внуку Донскаго) Василю Косому, послужилъ поводомъ къ войнѣ, послѣ того, какъ мать Василя Васильевича Московскаго, Софья Витовтовна, сорвала его съ Косого во время свадебнаго пира своего сына.

нижегородской старины. Кромѣ того имъ же была выстроена церковь Николая Чудотворца, что на Нижнемъ Базарѣ, и церковь Дмитрія Солунскаго, нынѣ Благовѣщенскій соборъ.

Послѣ смерти Дмитрія, Борису Городецкому удалось овладѣть Нижнимъ вторично и опять ненадолго, онъ снова былъ отдаленъ изъ Нижняго и опять при помощи Москвы. Московское правительство, несмотря на предательство Василія во время нашествія Тахтамыша, приняло его сторону. Однако Борисъ рѣшился во что бы то ни стало овладѣть Нижнимъ. Послѣ смерти Дмитрія Московскаго, въ качествѣ старшаго въ родѣ князей Суздальскихъ, онъ отправился въ Орду добиваться Нижегородскаго княжества. Около года сопровождалъ онъ Тахтамыша въ его походѣ противъ Тамерлана и, наконецъ, получилъ ярлыкъ на Нижний. Однако и на этотъ разъ ему не посчастливилось. Едва онъ успѣлъ утвердить свою власть въ Нижнемъ, какъ до него дошелъ слухъ, что Василій Дмитриевичъ Московскій, ѣздившій въ Орду, получилъ тамъ отъ новаго хана ярлыкъ на княжество Нижегородское и уже идетъ къ Нижнему. Вѣсть эта застала Бориса врасплохъ въ то время, когда онъ, непредвидя опасности, безопасно предавался разнымъ забавамъ, охотился и пировалъ. Это было на четвертомъ году его княженія. Черезъ нѣсколько дней у стѣнъ нижегородскихъ остановилось посольство Василія Московскаго, въ сопровожденіи Ордынскаго Царевича Улана. Борисъ заперся и не хотѣлъ впускать пословъ, но одинъ изъ приближенныхъ къ нему бояръ по имени Румянецъ началъ его успокаивать, увѣряя, что намѣренія посольства самыя дружественныя. Склонившись на увѣщанія его, Борисъ приказалъ отпереть ворота. Но коварный Румянецъ заранѣе былъ подкупленъ Москвой. Напрасно въ великокняжескомъ дворцѣ, окруженный пышною свитой, въ парадномъ нарядѣ стоя на тронѣ, дожидался Великій Князь посольства. Послы не являлись. Вдругъ раздался набатъ съ Преображенской колокольни. Борисъ смутился. Слышался шумъ говорливой толпы стекавшагося на площадь народа. Предчувствуя что-то недоброе, онъ обратился къ боярамъ: «Бояре, дружина моя, вспомните крестное цѣлованіе, не выдавайте врагамъ меня». Бояре молча стояли, потупя головы. Выступилъ Румянецъ: «не надѣйся на насъ, произнесъ онъ за всѣхъ, мы теперь уже не твои и не за тебя, а на

тебя» *). Несчастнѣй старикъ въ отчаяніи звалъ на помощь; нѣкоторые изъ старыхъ преданныхъ бояръ схватились за оружіе; во дворцѣ происходило смятеніе въ то время, когда на площади, подъ звуки колокола, народъ присягалъ Московскому князю. Это случилось въ 1392 году. Борисъ былъ свергнутъ. Черезъ нѣсколько времени прибылъ въ Нижній Василій Дмитріевичъ Московскій, и послѣдній изъ князей Нижегородскихъ, достигшій глубокой старости, въ тщетныхъ попыткахъ овладѣть Нижнимъ, въ собственномъ дворцѣ своемъ былъ закованъ и отвезенъ въ заточеніе въ Суздаль. Въ Нижнемъ посаженъ намѣстникъ Московскаго Великаго Князя, князь Всеволождъ. Такъ пало Нижегородское княжество.

Передъ непобѣдимою силою Москвы склонили свои покорныя головы сыновья и внуки Дмитрія Константиновича. Но не таковы были гордые потомки честолюбиваго Бориса. Сынъ его, Даниилъ, питалъ непримиримую вражду къ Василю Московскому за униженіе отца, свергнутаго имъ съ Нижегородскаго престола. Даниилъ, подобно своимъ двоюроднымъ братьямъ, бѣжалъ въ Орду. Обстоятельства для него складывались благоприятно: въ Ордѣ въ то время водворился Зелени-Султанъ, другъ Витовта Литовскаго, близкаго родственника Даниила по матери, и смертельнаго врага Московскаго Великаго Князя. Съ помощью Витовта Даниилу удалось получить отъ хана ярлыкъ на Нижегородское княжество. Въ 1410 году, заручившись ханской грамотой, Даниилъ призвалъ къ себѣ на помощь Жукотинскаго князя Толыча и вмѣстѣ съ нимъ двинулся къ Нижнему. Около села Лыскова ихъ встрѣтило сильное войско московское. Произошла отчаянная битва на Оленьей горѣ. Счастье улыбнулось Даниилу: великокняжескія дружины были разбиты наголову. Даниилъ вступилъ въ Нижній, но честолюбію его не было границъ. Не удовлетворившись однимъ Нижнимъ-Новгородомъ, онъ замыслилъ овладѣть и Владиміромъ; намѣреніе было безумно, но счастье оказалось на сторонѣ его и на этотъ разъ. Онъ послалъ къ Владиміру, подъ начальствомъ своего боярина Карамыша, 1500 жукотинцевъ и 1500 русскихъ. Войска подкрались къ Владиміру незамѣтно Клязьмин-

*) Соловьевъ, часть IV, стр. 2.

скимъ лѣсомъ и напали на него врасплохъ въ самый полдень, когда въ городѣ, по древнему русскому обычаю, всѣ спали. Владиміръ былъ взятъ и разграбленъ; почти всѣ жители избиты; всего разграбленнаго добра татары не могли захватить, а потому складывали его въ конны и жгли, деньги дѣлили мѣрками, наконецъ, зажгли городъ. Лѣтописецъ говоритъ, что пожаръ былъ такъ великъ, что растоплялись колокола. Успѣхи Даниила не-на-шутку встревожили Великаго Князя Московскаго. Въ 1412 году съ богатыми дарами отправился онъ въ Орду, гдѣ уже вмѣсто Зелени-Султана сидѣлъ Кирымъ-Быдрей. Новый Ханъ принялъ его сторону, и Даниилу пришлось оставить Нижній. Въ сороковыхъ годахъ XV столѣтія Даниилу Борисовичу, видно, опять удалось какъ-то овладѣть Нижнимъ, по крайней мѣрѣ къ этимъ годамъ относятся нѣкоторыя дарственные грамоты, выданныя имъ, гдѣ онъ именуется себя Великимъ Княземъ Нижегородскимъ; есть предположеніе, что въ это время Даниилъ даже чеканилъ въ Нижнемъ монеты со своимъ изображеніемъ.

Между тѣмъ, послѣ смерти Василя Дмитріевича, въ Московскомъ княжествѣ начинаются усобицы; между потомками Донского поднимается распря изъ-за обладанія Москвой.

Пользуясь московскими смутами, особенно усилившимися во время начавшейся новой распри между Василемъ Темнымъ, Дмитріемъ Шемякой и Василемъ Косымъ, потомки Великихъ Князей Нижегородскихъ дѣлали еще разъ попытку возвратить утраченныя права. Одинъ изъ внуковъ Василя Дмитріевича, Феодоръ Юрьевичъ, вскорѣ заключилъ договоръ съ Шемякою, по которому послѣдній обязывался какъ только удастся ему отнять великокняженіе у Василя Темнаго, дать въ удѣлъ ему, Феодору, съ братомъ Нижній, Городецъ и Суздаль съ придачею Вятки; по тому же договору великое княжество Суздальско-Нижегородское приобрѣтало права полной независимости отъ Москвы и, между прочимъ, что было важно тогда, князю Нижегородскому предоставлялось право свободнаго, безъ вѣдома Москвы, сношенія съ Ордой. Такимъ образомъ въ 1446 году, почти одновременно съ водвореніемъ Шемяки въ Москвѣ, Нижегородское великое княжество снова восстанавливается, но на весьма короткій срокъ. Тотчасъ же по возвращеніи въ Москву Василя Темнаго, оно опять и уже на этотъ разъ окончательно

утрачиваетъ свою независимость. Впрочемъ, одинъ изъ сыновей Василя Юрьевича, Иоаннъ, владѣвшій послѣ того Нижнимъ, именовался не только Великимъ Княземъ, но и Самодержавнымъ Государемъ, въ сущности же былъ безвластнымъ присяжникомъ Москвы. Последнимъ владѣтелемъ Нижняго нужно считать младшаго сына Василя Юрьевича, Василя, по прозванію Гребенки-Шуйскаго, который также носилъ титулъ Великаго Князя Нижегородскаго. Онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, въ царствованіе Ивана III, съ которымъ, до полученія въ удѣлъ Нижняго Новгорода, долго враждовалъ и даже два раза сражался, предводительствуя новгородцами. Съ водвореніемъ въ Казани Улу-Махмета въ исторіи Нижняго-Новгорода начинается новая эпоха: Нижній мало-по-малу приобрѣтаетъ новое важное значеніе, — значеніе главнаго сторожевого пункта, защищающаго уже не отдѣльное Суздальское княжество, а всю русскую землю. Во время начавшейся скорѣ борьбы съ Казанью Нижній дѣлается мѣстомъ сборища русскихъ войскъ.

Борьба съ Казанью, начавшаяся при Василии Темномъ, становится болѣе упорной при Иванѣ III. Нижній въ это время то-и-дѣло видитъ въ своихъ стѣнахъ великокняжескія дружины; сюда стягиваются отдѣльные полки со всѣхъ концовъ Русскаго государства; въ самомъ Нижнемъ учреждается постоянная «крѣпкая засада» (гарнизонъ). Понимая важное значеніе Нижняго, какъ стратегическаго пункта, Иванъ III намѣревался докончить, начатую еще Дмитриемъ Константиновичемъ, постройку каменныхъ городскихъ стѣнъ; но почему-то постройка эта, какъ и при Дмитріи Константиновичѣ, ограничилась сооруженіемъ одной Тверской башни (нынѣ Ивановской). Мастера-строители, присланные въ Нижній, скорѣ были отозваны въ Москву, гдѣ тоже происходили дѣятельныя работы по укрѣпленію города.

Въ 1478 году, окончательно покоривъ Новгородъ и сдѣлавшись полновластнымъ его государемъ, Иванъ III выселилъ множество новгородцевъ по разнымъ дальнимъ городамъ; множество новгородцевъ было прислано для поселенія и въ предѣлы нижегородскіе, преимущественно въ Нижній, а также въ Балахну и Мурашкино *) (гдѣ послѣ того отъ

*) Село Мурашкино—одно изъ самыхъ большихъ и промышлен-ныхъ селъ Нижегородской губ., находится въ Княгининскомъ уѣздѣ.

переселенных новгородцев и развился кожевенный промысел). Въ числѣ другихъ новгородскихъ плѣнныхъ, въ Нижній была прислана и Марѳа Борецкая съ внукомъ ея, Василиемъ, если только вѣрить извѣстію житія Зосимы и Савватія, по словамъ котораго Марѳа и умерла въ Нижнемъ, въ Зачатіевскомъ монастырѣ.

Непріязненные отношенія съ Казанью, въ особенности нападеніе Махметъ-Аминя 1505 года, побудили пріемника Ивана III приступить къ окончательнымъ работамъ по укрѣпленію Нижняго. Въ 1508 году Василий III послалъ въ Нижній итальянскихъ мастеровъ Пьерло-Франческо и Займоитане, которые въ томъ же году 1-го сентября начали работы по устройству нижегородскаго кремля. Существуетъ преданіе, что постройка въ этотъ разъ начата была съ того мѣста, гдѣ теперешній Зеленскій сѣздъ дѣлаетъ поворотъ и гдѣ къ нему присоединяется новый сѣздъ отъ Лыковой дамба. Здѣсь, на обрывѣ, надъ самой рѣкой Почайной*), построена была первая башня, названная Коромысловою, будто-бы потому, что подъ ея основаніе зарыта была живая женщина съ коромысломъ и ведрами. По предразсудкамъ того времени такая жертва требовалась для того, чтобы крѣпость была недоступна врагамъ, необходимо было заложить въ основаніе башни первое живое существо, которое само подойдетъ къ мѣсту постройки; случилось подойти несчастной дѣвушкѣ, шедшей за водой на Почайну. Легенда эта одна изъ самыхъ популярнѣхъ въ Нижнемъ**). Менѣе чѣмъ черезъ три года кремль былъ оконченъ. Кстати замѣтить, вскорѣ послѣ окончанія постройки каменныхъ стѣнъ, въ 1513 году, во время пожара сгорѣли старыя деревянныя укрѣпленія города. Впро-

на берегу рѣки Сундовика. Начало его очень древнее: еще во время борьбы суздальскихъ дружинъ съ мордвою здѣсь было мордовское укрѣпленіе, построенное, по преданію, какимъ-то мордвиномъ Мурашомъ, въ XVII столѣтіи было городомъ, затѣмъ принадлежало бояринѣ Морозовой, позднѣе Кантемирамъ.

*) Почайна протекала по тому мѣсту, гдѣ теперь находится толкучій рынокъ.

***) Такая же легенда существуетъ въ Мурашкинѣ, гдѣ также, будто бы, при построеніи мордовскаго укрѣпленія была зарыта живая дѣвушка, но кромѣ того зарытъ былъ и быкъ, который одновременно съ ней подошелъ къ строящемуся укрѣпленію (См. село Большое-Мурашкино К. О. Федорова. М. 1891 г.).

чемъ, не однѣ стѣны пострадали тогда, пожаръ испепелилъ весь городъ. Въ томъ же году, незадолго до пожара, кремль нижегородскій въ первый разъ былъ осажденъ татарами, которые тщетно пытались взять его приступомъ, но новая крѣпость, отчасти, благодаря своему мѣстоположенію на крутомъ утесѣ, оказалась совершенно неприступной. Послѣ того въ стѣнахъ нижегородскаго кремля ни одного раза не было непріятеля.

Василій III задался мыслью окончательно покорить Казань; но ему, какъ извѣстно, не удалось осуществить своего завѣтнаго желанія, зато онъ сдѣлалъ первый шагъ, достаточно подготовивъ для того почву своему преемнику. Въ послѣдней договорной грамотѣ съ Василіемъ III казанцы уже называли себя вѣрными холопами Великаго Князя Московскаго.

Вступивши въ дѣла управленія государствомъ, Иванъ Грозный тотчасъ предпринялъ рѣшительныя мѣры по отношенію Казани. Постановивъ себѣ задачей довершить начатое отцомъ, въ 1545 году онъ отправилъ подъ Казань огромное войско, которое, по обыкновенію, собиралось въ Нижнемъ. Но этотъ походъ былъ не удаченъ. Черезъ два года Иванъ Грозный самъ выступилъ во главѣ своихъ войскъ. Направляясь черезъ Владиміръ, онъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ 24 января 1548 года и 2-го февраля выступилъ по льду Волги къ Казани; къ вечеру того же дня онъ дошелъ до с. Ельны; здѣсь переночевавши, на другое же утро отправился дальше. Но вдругъ наступила оттепель. Дойдя до с. Работокъ, Грозный принужденъ былъ остановиться, дальше нельзя было двигаться: ледъ проваливался,—много людей и артиллерійскихъ орудій потонуло. Черезъ три дня онъ вернулся обратно и прибылъ въ Нижній 10 февраля, отправивши подъ Казань лишь часть войска, подъ начальствомъ Бѣльскаго, которому приказалъ въ Василіѣ соединиться съ Воротынскимъ и Шигъ-Алеемъ, направлявшимся отъ Мещеры сухимъ путемъ. Онъ уѣхалъ въ Москву. Второй походъ былъ также не удаченъ, какъ и первый, но Грозный не смутился. Спустя годъ 18 января онъ снова прибылъ съ войскомъ въ Нижній и черезъ 5 дней отправился дальше. На этотъ разъ онъ дошелъ до самой Казани. Но походъ опять не удался, какъ и въ прошлый разъ, по-

мѣшала оттепель и проливные дожди, въ неурочное время года. Одиннадцать дней стоялъ Грозный въ виду Казани и принужденъ былъ отступить. Впрочемъ, этотъ походъ ознаменовался основаніемъ Свияжска и присоединеніемъ къ русскимъ владѣніямъ черемисскихъ земель. Основаніе русскаго города, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, привело въ смущеніе Казань, внутри которой и безъ того происходили непрерывныя смуты и постоянныя усобицы.

Послѣдній, знаменитый, походъ 1552 года былъ совершенъ сухимъ путемъ. Направляясь изъ Москвы черезъ Коломну, Владиміръ и Муромъ на Свияжскъ, Иванъ Грозный не проходилъ на этотъ разъ черезъ самый Нижній, но путь его лежалъ черезъ южныя предѣлы теперешней Нижегородской губерніи (теперешніе Ардатовскій, Арзамасскій, сѣверную часть Лукояновскаго и южную Сергачскаго уѣздовъ). До сихъ поръ сохранилось въ нижегородскомъ поволжѣ много мѣстныхъ преданій и легендъ, связанныхъ съ воспоминаніемъ объ этомъ походѣ, какъ, напримѣръ, преданіе о Калейкѣ-Мужикѣ, объ Ардаткѣ-Мордвинѣ, легенда о Дѣвичьихъ горахъ. Калейка, по преданію, вель царскую дружину черезъ дремучіе выксунскіе лѣса. Ардатка былъ проводникомъ въ другомъ мѣстѣ. Царь, какъ гласитъ преданіе, щедро наградилъ ихъ обоихъ землями, послѣ чего Ардатка построилъ цѣлое селеніе, которое впослѣдствіи разрослось въ огромное торговое село, теперь городъ Арdatовъ. Легенда о Дѣвичьихъ горахъ гораздо сложнѣе. Дѣвичьи горы—въ настоящее время небольшое село Лукояновскаго уѣзда, стоитъ оно на высокомъ крутомъ холмѣ, у подножья котораго протекаетъ небольшая рѣчка Чека. Здѣсь, въ дремучемъ лѣсу, какъ говоритъ легенда, Иванъ Грозный, шедшій на этотъ разъ безъ проводника, принужденъ былъ остановиться, встрѣтивши непроходимыя болота; нѣсколько дней разсылалъ онъ людей разыскивать удобнаго перехода; тѣмъ временемъ окрестная мордва составила, будто бы, заговоръ противъ царя и замыслила убить его; въ глухую ночь заговорщики, вооруженные копьями, подкрадывались къ царской ставкѣ, но были замѣчены, будто бы, какой-то проходившей мимо русскою дѣвушкой; догадавшись о ихъ намѣреніи, дѣвушка бросилась бѣжать, чтобъ разбудить спавшую стражу, но была перехвачена мордвой, тогда она начала

кричать, отъ крика ея проснулась царская стража и во-время предупредила нападеніе. Когда разсвѣтало, несчастную дѣвушку нашли мертвой, висящей на мордовскихъ кощяхъ, воткнутыхъ въ землю; узнавши обо всемъ, царь велѣлъ на этомъ мѣстѣ построить церковь, изъ тутъ же срубленныхъ дубовъ. Съ тѣхъ поръ это мѣсто стало называться Дѣвичьи горы. На берегу Суры, недалеко отъ границы Нижегородской губ., въ Курмышскомъ уѣздѣ, Симбирской губ., есть село Ратово, которое, будто бы, названо такъ оттого, что на этомъ мѣстѣ рать Грознаго останавливалась на ночлегъ. Еще далѣе, вверхъ по Сурѣ, въ Алатырскомъ уѣздѣ, Симб. губ., находится село Мурзицы; здѣсь, по мѣстному преданію, во время того же похода, будто бы, былъ зарытъ живымъ въ землю, по повелѣнію Грознаго, какой-то татарскій мурза.

Покоривши Казань, Грозный возвращался въ Москву черезъ Нижній, Балахну и Владиміръ. Когда до Нижняго дошла вѣсть, что царь приближается,—19-го октября, съ ранняго утра, зеленые откосы Дятловыхъ горъ были покрыты густой толпой народа, всѣ смотрѣли въ даль убѣгающей Волги. Въ утреннемъ туманѣ далеко заблѣли, наконецъ, паруса; показались царскія ладьи; толпа заволновалась; загудѣлъ колоколъ Преображенской колокольни, тотъ самый колоколъ, который, полтораста лѣтъ назадъ возвѣстилъ о паденіи Нижегородскаго княжества, но тогда онъ гремѣлъ зловѣщимъ набатомъ, а теперь съ его звономъ сливался веселый звонъ колоколовъ со всѣхъ нижегородскихъ церквей, какъ тогда, такъ и теперь онъ возвѣщалъ торжество Москвы, но теперь съ торжествомъ Москвы сливалось торжество всей великой Россіи. Изъ кремлевскихъ воротъ вышли архимандритъ и все духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ съ хоругвями и иконами, при пѣніи церковнаго клира. Едва приблизились царскія суда къ нижегородскому берегу, вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, упала на колѣни; всѣ головы преклонились къ землѣ. Звонъ колоколовъ, шумъ волнующейся толпы, клики радости и плачь заглушали церковное пѣніе. Покореніемъ Казани завершился второй трехсотлѣтній періодъ поступательнаго движенія славянъ на востокъ.

Испытавъ немало невзгодъ въ теченіи трехвѣкового существованія своего, то въ борьбѣ съ покоренной мордвой, то защищая свою независимость отъ притязаній Москвы и,

наконецъ, служба той же Москвѣ во время борьбы съ Казанью, Нижній-Новгородъ въ половинѣ XVI вѣка сходитъ съ арены исторической жизни государства на цѣлое столѣтіе. За все это время мирное спокойствіе его нарушено было только одинъ разъ—въ 1574 году, когда, подъ влияніемъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, казанскіе татары осадили Нижній, тщетно пытаясь имъ овладѣть. Это былъ послѣдній татарскій набѣгъ на низовскую землю. За цѣлое пятидесятилѣтіе нижегородскій лѣтописецъ упоминаетъ только объ этомъ набѣгѣ да еще объ одномъ событіи, встревожившемъ нижегородцевъ—о страшномъ стихійномъ явленіи 1597 года, когда отъ обвала горнаго берега Волги былъ разрушенъ древній Печерскій Вознесенскій монастырь, еще въ XII в. основанный св. Діонисіемъ, епископомъ Суздальскимъ и Нижегородскимъ.

Между тѣмъ конецъ XVI в. имѣетъ важное значеніе въ мѣстной исторіи. За это время совершилось повсемѣстное заселеніе русскими нижегородскаго края. Мы уже знаемъ, что задолго до основанія Нижняго въ предѣлахъ теперешней Нижегородской губ. были уже русскія поселенія и даже городъ Радилонъ, составлявшій средоточіе цѣлой области Бѣлогородской, что со времени основанія Нижняго русскія поселенія начали распространяться по Окѣ и ниже ея устья по Волгѣ, что, наконецъ, въ первыя времена самостоятельности Нижегородскаго княжества колонизація эта особенно усилилась,—русскія поселенія появились не только по берегамъ Оки и Волги, но и на Кудьмѣ, наконецъ, при Дмитріи Константиновичѣ, является какой-то гость Тарасъ Петровъ, который покупаетъ у Великаго Князя обширныя земли по рѣкѣ Сундовику, гдѣ уже находятся тогда шесть русскихъ селеній. Однако до полнаго покоренія Казани, во времена постоянныхъ татарскихъ набѣговъ и мордовскихъ бунтовъ, русскіе не рѣшались слишкомъ удаляться отъ береговъ Волги и Оки, а главное, отъ нижегородской крѣпости. Особенно тяжело отозвались на нижегородскомъ краѣ послѣдніе годы борьбы съ Казанью, когда многія земли, даже давно заселенныя русскими, начали пустѣть, поселяне уходили со своихъ насиженныхъ мѣсть, покидали поля; многія земли, по побережью Волги, по 30-ти лѣтъ не засѣвались и заросали лѣсомъ. Такое положеніе края быстро измѣни-

лось, когда, съ покореніемъ Казани, почти непрерывные опустошительные набѣги совсѣмъ прекратились. Зброшенныя селенія снова стали оживать, заустѣлыя земли мало-по-малу заселяться, начали появляться поселки и среди мордовскихъ земель за Пьяной. Иванъ Грозный щедро раздавалъ своимъ боярамъ обширныя помѣстья въ предѣлахъ теперешнихъ Васильскаго, Княгининскаго, Арзамаскаго уѣздовъ. Такимъ образомъ, къ началу XVII столѣтія, по всему пространству нынѣшней Нижегородской губерніи, мы уже находимъ русскія поселенія.

Въ началѣ XVII ст. Нижній-Новгородъ, во время поднявшихся повсюду въ Россіи смуть и мятежей, снова выступаетъ на поприщѣ государственной жизни, впрочемъ, смуты временъ перваго Лжедмитрія мало отражались на немъ. Но съ воцареніемъ Василія Шуйскаго, въ нижегородскихъ предѣлахъ начали появляться шайки приверженцевъ втораго Лжедмитрія. Въ теченіе зимы 1606 года шайки эти бродили около Нижняго и Арзамаса, возмущая мордву и, быстро увеличиваясь, появлялись въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ, въ присурскомъ краѣ вспыхнулъ первый мятежъ. Вслѣдъ затѣмъ тушинцы осадили Арзамасъ и, съ помощью мордвы, овладѣли имъ. Отсюда бросились они къ Нижнему, начали было осаду, но въ это время разнесся слухъ, что къ нижегородскимъ предѣламъ приближается московское войско, подъ начальствомъ Воротынскаго. Мятежники оставили Нижній и поспѣшили назадъ. Разбитые Воротынскимъ, они на время разсѣялись, одни бросились за Оку въ станъ Самозванца, нѣкоторые удалились въ Посурье, къ Алатырю и Ядрину, многіе скрылись въ лѣсахъ по близости Арзамаса. Но вскорѣ мятежъ снова вспыхнулъ, снова взбунтовалась мордва, а за ней черемисы, чувашаи, татары; начались поджоги и грабежи. Между тѣмъ шесть ближайшихъ городовъ къ Нижнему передались на сторону Самозванца—Ядринъ, Курмышъ, Алатырь, Темниковъ, Арзамасъ, вскорѣ возмутились—Стародубъ и Ярополчъ *), Пуреховская волость и Лухъ; измѣнила Шуйскому и Балахна, только одинъ Нижній, охваченный со всѣхъ сторонъ бунтомъ, оставался вѣрнымъ

*) Нынѣ городъ Вязники, Владимірской губерніи.

потомку своихъ великихъ князей *). Въ 1608 году игумень Луховской пустыни писалъ изъ Балахны воззваніе къ архимандриту Печерскаго монастыря, убѣждая его принять присягу самозванцу и склонять къ тому же нижегородцевъ. Но архимандритъ отдалъ это воззваніе нижегородскому воеводѣ Алябьеву. Нижегородцы остались непоколебимы въ вѣрности Василию. Тогда 2-го декабря балахонцы подступили къ стѣнамъ Нижняго; между тѣмъ въ Нижній, только за день до того, пришло подкрѣпленіе, подъ начальствомъ Феодора Шереметьева. Нижегородцы вышли изъ города и ударили на балахонцевъ, тѣ обратились въ бѣгство, нижегородцы гнались за ними; на другой день около Балахны произошла горячая битва; побѣда оказалась на сторонѣ нижегородцевъ. Въ числѣ плѣнныхъ были приведены въ Нижній балахнинскій воевода Голенищевъ и семь человекъ главныхъ бунтовщиковъ, которые были повѣшены на Нижнемъ Посадѣ. Балахна, Копосово и Казино, принимавшія также участіе въ возстаніи, присягнули Василию. Вскорѣ Нижній былъ снова осажденъ, на этотъ разъ отрядомъ князя Вяземскаго, посланнаго Сапѣгой; Алябьевъ сдѣлалъ вылазку и отразилъ непріятеля. Въ это же время до нижегородскаго воеводы дошло извѣстіе, что близъ села Ворсмы находится большая шайка тушинцевъ. Онъ отправился туда, разбилъ мятежниковъ и преслѣдовалъ ихъ до Павлова острога **). Между тѣмъ Сапѣга, рѣшившійся сокрушить нижегородскую твердыню, послалъ новый отрядъ къ Нижнему, подъ начальствомъ того же Вяземскаго и Лазарева; верстахъ въ 4-хъ отъ города, на берегу Оки, на Слудѣ, ихъ встрѣтилъ Алябьевъ; послѣ горячаго боя непріятельскій отрядъ былъ разбитъ,—Вяземскій и Лазаревъ приведены въ Нижній, здѣсь ихъ постигла участь Голенищева: они были повѣшены.

Между тѣмъ тяжелое положеніе Москвы, какъ извѣстно, особенно стало тяжелымъ въ 1610 году, послѣ сверженія Василія Шуйскаго или, точнѣе, со смертію Скопина-Шуйскаго. Въ началѣ 1611 года въ Нижній-Новгородъ пришла

*) Василій Шуйскій былъ правнукъ Михаила Васильевича, сына Василія Юрьевича Гребенки-Шуйскаго, сына Юрія Васильевича, внука В. К. Нижегородскаго Дмитрія-Оомы.

**) Нынѣ село Павлово, Горбатовскаго уѣзда.

грамота патріарха Гермогена, въ которой онъ горячо убѣждалъ не предавать православной Руси невѣрнымъ католикамъ. Писали также и жители Москвы. Москвичи увѣряли, что вовсе не вся Москва, а только немногіе идутъ вслѣдъ измѣнникамъ, остальные же, во главѣ съ патріархомъ, готовы жизнь положить свою за вѣру Христову. Ляпуновъ изъ Рязани также писалъ отъ себя воззванія. Въ Нижнемъ дѣйствоваль Вельяминовъ во имя царя, «котораго Богъ дастъ», и спасенія Руси отъ иноземцевъ. Наконецъ, 12-го января пришелъ изъ Москвы, посланный отъ патріарха, уже томившагося тогда въ заключеніи, свѣяжскій житель Моисеевъ и передалъ на словахъ увѣщаніе Гермогена подыматься за православіе. Тогда Нижегородцы, заключивъ договоръ съ балахонцами, послали къ Ляпунову спросить, когда выступать войску изъ Нижняго и какою идти дорогой. Ляпуновъ прислалъ отвѣтъ черезъ стряпчаго Биркина и дьяка Пустошкина, чтобъ они выступали, а дорогу сами себѣ избрали, какою хотятъ. 8-го февраля 1611 года выступила первая рать нижегородская на защиту Москвы, подъ начальствомъ воеводы Решнина, но для рѣшительной борьбы соединенныя силы собравшихся подъ Москвой русскихъ дружинъ были слишкомъ недостаточны. Между тѣмъ Москва представляла изъ себя печальную картину опустошенія. Начали ходить слухи о чудесахъ, о небесныхъ знаменіяхъ; многимъ являлись видѣнія. Въ станѣ русскихъ найденъ былъ таинственный свитокъ, въ которомъ было написано о видѣніи какого-то Григорія въ Нижнемъ-Новгородѣ, которому было открыто, что если по всей Россіи всѣ отъ мала до велика наложатъ на себя трехдневный постъ, то русская земля освободится отъ враговъ и Богъ чудеснымъ образомъ укажетъ, кому быть царемъ. 25 августа въ Нижній пришла грамота изъ Троицкой Лавры, въ которой архимандритъ Діонисій писалъ къ нижегородцамъ, увѣщая ихъ не колебаться и крѣпко стоять за святое дѣло; грамота эта читалась во всѣхъ церквяхъ и на городскихъ площадяхъ. Нижегородскія власти, выборные и духовенство собрались у воеводы на совѣщаніе, въ этомъ собраніи находился и знаменитый «товядарь» Мининъ, занимавшій должность городского старосты. Среди бесѣды Мининъ внезапно всталъ и объявилъ о томъ, что нынче ночью ему въ сонномъ видѣніи являлся

св. Сергіи *), и затѣмъ просилъ прочесть грамоту Троицкой Лавры на другой день въ соборѣ. На другой день, рано утромъ, зазвонилъ колоколъ Преображенской колокольни; на этотъ разъ колоколъ этотъ возвѣщалъ не торжество Москвы, а призывалъ на спасеніе ея. Былъ будній день; жители всполошились, со страхомъ бросились въ кремль, ожидая скорѣе недоброй вѣсти, чѣмъ радостной. Въ то время, когда вся площадь была покрыта народомъ, съ трепетомъ ожидавшимъ извѣстій изъ Москвы, внутри собора, надъ склоненными головами толпы раздавались, прерываемыя рыданіями, слова протопопа Саввы: «увы намъ, господіе мои, чада и братія! увы намъ! Се бо придоша дни конечныя гибели; погибаетъ Московское государство и вѣра гибнетъ. О, горе намъ!». Была прочитана грамота Троицкой Лавры; всѣ плакали. Тогда раздался голосъ Кузьмы Минина: «буди намъ похотѣти помощи Московскому государству, ино намъ не пожелѣти животовъ нашихъ да нетокмо животовъ, но и женъ и дѣтей...» и т. д. **). Глубоко потрясенная словами Минина, толпа воскликнула: «На что намъ имѣнье, на что намъ дѣти и жены, когда погибаетъ вѣра Христова!»

Послѣ того по всему Нижнему толпился народъ, — собирались каждый день сходки; всего болѣе скоплялось народу на Нижнемъ Посадѣ, на торгу; это всегда было самое людное мѣсто. То-и-дѣло появлялся среди народа Мининъ, продолжая свои увѣщанія. — «Что же намъ дальше дѣлать?» спрашивали его. «Ополчаться», коротко отвѣчалъ Кузьма. Когда же зашла рѣчь о томъ, откуда взять казны служи-

*) Объ этомъ видѣніи изложено въ «книгѣ о чудесахъ пр. Сергія, твореніе Симона Азарина». См. также рефератъ А. С. Галицкаго «Дѣйств. Ниж. Уч. Арх. Ком.», выпускъ 6, засѣд. 22 октября 1889 г.

**) Неизвѣстно ни точныхъ словъ знаменитаго воззванія Минина, ни мѣста, гдѣ онъ его произнесъ.

Что касается мѣста воззванія, П. И. Мельниковъ и Храмовскій держались того мнѣнія, что, вѣроятно же всего, воззваніе это происходило на *торгу*, въ народномъ собраніи, ибо дѣло это было народное. Но для чего-же тогда Мининъ просилъ на собраніи у воеводы прочесть троицкую грамоту *въ соборѣ*, тогда какъ эта грамота и безъ того должна была читаться *«на торгу»*, гдѣ вообще читались всякіе указы и вообще все, что должно поступать во всеобщее вѣдѣніе? Очевидно, онъ заранѣе намѣренъ былъ тамъ же, въ соборѣ, и обратиться къ народу.

лымъ людямъ, Мининъ обратился къ народу съ паперти церкви Николы на торгу: «я, убогій, съ товарищами своими, всѣхъ насъ 2500 человекъ и денегъ у насъ въ сборѣ 1,700 руб.; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей и я 100 руб. въ сборныя деньги принесъ,—тоже и вы всѣ сдѣлайте». — «Быть такъ!» закричала толпа, и тутъ же начался сборъ.

Стали выбирать воеводу, который принялъ бы начальство надъ ополченіемъ нижегородскимъ; Мининъ указалъ на князя Пожарскаго, жившаго въ то время въ своемъ помѣстьѣ за Балахной. Отправлено было къ князю посольство: печерскій архимандритъ Θεодосій и дворянинъ Жданъ Болтинъ, а съ ними нижегородскіе посадскіе люди. Пожарскій далъ такой отвѣтъ: «скажите пославшимъ васъ, что я радъ за православную вѣру страдать до смерти, а вы изберите изъ посадскихъ людей такого человека, чтобъ могъ быть со мною у великаго дѣла, выдать бы казну на жалованіе ратнымъ людямъ» *).

Выборные затруднялись, не зная, на комъ остановиться, но Пожарскій поспѣшилъ указать Минина, какъ человека бывалаго.

Когда выборные вернулись изъ Юрина и рассказали обо всемъ, нижегородцы всѣмъ міромъ пришли просить Минина. Мининъ согласился, но съ условіемъ, чтобъ подписанъ былъ договоръ, въ которомъ нижегородцы обязывались—бы вполнѣ повиноваться ему и Пожарскому, ни въ чемъ не противиться, давать деньги, а если денегъ не будетъ, то силою отбирать не только «животы», но и женъ, и дѣтей въ кабалу отдавать, «чтобъ ратнымъ людямъ скудости не было». Договоръ былъ подписанъ, который Мининъ тотчасъ-же отослалъ Пожарскому. Были назначены оцѣнщики всего имущества гражданъ, со стоимости котораго взималась третья часть. Еще Пожарскій былъ въ Юринѣ, какъ ополченіе уже собиралось въ Нижнемъ. Къ нижегородцамъ присоединились смоляне, вязмичи, дорогобужане, ярополчане. Нижній-Новгородъ снова сдѣлался сборнымъ мѣстомъ русскихъ воинскихъ силъ. Едва Пожарскій прибылъ въ Нижній, къ нему присоединились, одинъ за другимъ,

*) Костомаровъ: «Смутное время» т. III «Московское разореніе».

князь Черкасскій, Лопата-Пожарскій, князь Хованскій, Прозоровскій, Гагаринъ, Левашевъ и Плещеевъ; стали снова сходитья отряды изъ разныхъ городовъ, присоединилась и часть казаковъ. Въ февралѣ ополченіе двинулось изъ нижегородскаго кремля черезъ Тверскія (нынѣ Ивановскія) ворота; воиновъ провожала густая толпа народа. Пожарскій направился черезъ Балахну, Юрьевецъ, Решму, Кинешму, Плесъ на Кострому и Ярославль.

Нескоро, по окончаніи междуцарствія, водворилось спокойствіе на Руси; еще долго тамъ и сямъ бродили разрозненныя шайки мятежниковъ,—не было спокойно и на Волгѣ. Около Ярославля буйствовали казаки Заруцкаго, которые направились было къ Нижнему, но доходили только до Васильевой слободы. Грозилъ опасность и съ низовьевъ: ногайцы, въ количествѣ 20000, приближались къ нижегородскимъ предѣламъ, они появились уже въ посурьѣ, подступили къ Алатырю; въ то же время взбунтовалась мордва. Нижегородцы ждали неминуемой гибели и начали было уже выселяться изъ города. Вѣсть о восшествіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича остановила ногайцевъ; казаки, разбитые у Васильевой слободы княземъ Лыковымъ-Оболенскимъ, разбрелись по всему поволжью, къ нимъ присоединились толпы бездомныхъ бродягъ,—начались сильныя разбои по всей Волгѣ.

Время царствованія Михаила Ѳеодоровича ознаменовалось въ мѣстной исторіи образованіемъ новаго, весьма важнаго торговаго центра на Волгѣ, въ предѣлахъ теперешней Нижегородской губерніи.

Исторія возникновенія этого центра тѣсно связана съ исторіей Макарьевской Желтоводской обители. Мы уже знаемъ, что Макарьевскій монастырь, вскорѣ послѣ своего основанія, былъ разрушенъ татарами. Съ тѣхъ поръ прошло почти 200 лѣтъ. На мѣстѣ разоренной обители уже шумѣли вѣковые деревья. Но обители суждено было снова возникнуть. Въ то время жилъ въ Тетюшскомъ монастырѣ *) «нѣкій инокъ убогій, украшенный нищетою духовной», муромскій уроженецъ, по имени Авраамій; ему, какъ гласитъ преданіе, однажды явился во снѣ св. Макарій и велѣлъ идти

*) Тетюши—уѣздный городъ Казанской губ., на берегу Волги.

на мѣсто разоренной обители. Авраамій повиновался. Онъ поселился близь устья Керженца, на луговой сторонѣ Волги. Здѣсь онъ построилъ себѣ келью. Вскорѣ около него собралась братія.

Время возобновленія обители относится къ 1626 году, такъ какъ говорится въ монастырскихъ актахъ, что для испрошенія благословенія на основаніе монастыря Авраамій ѣздилъ въ Москву, вмѣстѣ съ персидскимъ посольствомъ, несшимъ въ даръ царю ризу Господню, что было именно въ 1626 году. Обитель быстро разрослась и богатѣла отъ щедрыхъ пожертвованій и вкладовъ. Есть одно извѣстіе, въ которомъ, между прочимъ, упоминается о серебряныхъ колоколахъ, звонъ которыхъ разносился далеко по Волгѣ. Это было еще при жизни Авраамія. Здѣсь, около этого отдаленнаго монастыря, суждено было развиться, величайшему въ мірѣ, ярмарочному торгу. Макарьевскій монастырь приходился на полпути между устьемъ Шексны и Астраханью; здѣсь караваны судовъ, вышедшіе ранней весной изъ Астрахани съ товарами азіатскими, встрѣчались, въ срединѣ лѣта, около Макарьева дня (25 июля), съ караванами, идущими съ верховьевъ Волги, съ товарами европейскими, которые изъ Архангельска проникали въ Волгу черезъ Шекснѹ. Установился обычай останавливаться у Макарья. Завелся сначала незначительный торгъ, на которомъ едва ли не главнымъ предметомъ торговли были привозимыя изъ Мурашкина кожи да разный щепной товаръ мѣстнаго производства. Торгъ этотъ мало-по-малу расширился,—завелась мѣновая торговля между русскими и азіатскими купцами. Восточные торговцы перестали ѣздить далѣе Макарія, здѣсь распродавая свои товары и тутъ же покупая привозимые русскими купцами; этимъ послѣднимъ тоже, въ свою очередь, незачѣмъ стало пускаться въ дальній путь, сопряженный тогда съ разными затрудненіями и опасностями. Такимъ образомъ макарьевскій пунктъ приобрѣлъ вскорѣ важное значеніе, куда стало свозиться богатство востока и запада. ВЪ 1641 году ярмарка у Макарія была официально утверждена именнымъ царскимъ указомъ.

Около этого времени разбои на Волгѣ стали принимать широкіе размѣры. Явленіе это было въ прямой зависимости отъ нѣкоторыхъ политическихъ причинъ: отъ ненормаль-

наго положенія, преимущественно, крестьянскаго населенія. Послѣ тяжелаго смутнаго времени народъ, и безъ того раззоренный, обременялся долгое время большими налогами во время царствованія Михаила Ѳеодоровича. Много бродило по русской землѣ обнищавшей голытбы безъ крова и безъ пріюта, много было недовольныхъ; къ этимъ, и безъ того тяжелымъ обстоятельствамъ, присоединилась еще новая тягота развивавшейся въ то время помѣщичьей власти; начались побѣги крестьянъ; побѣги эти особенно усилились въ половинѣ XVII в. Въ 1657 году въ разные города, для поимки бѣглыхъ, разсланы были сыщики *); приняты строгія мѣры; но ничто не помогло, побѣги увеличивались, росло недовольство, росли толпы безпріютнаго люда; весь этотъ сбродъ стремился на Волгу, гдѣ было легко укрываться отъ розысковъ. Разбой наводили ужасъ на все поволжье и начали распространяться по всей Россіи. Черезъ 10 лѣтъ все это приняло характеръ открытаго бунта; начались грабежи, среди бѣлаго дня, въ большихъ городахъ, — даже на улицахъ Москвы **). Наконецъ во второй половинѣ XVII в. эти разрозненные шайки, грабившія повсюду, соединились въ одну страшную массу, подъ знаменемъ Стеньки Разина.

Шайки «воровскихъ людей богоотступника и зломысленника Стеньки», по словамъ нижегородскаго лѣтописца, стали появляться въ нижегородскихъ предѣлахъ въ 1670 году, сначала въ селѣ Богородскомъ, на Окѣ близъ Лысенкова перевоза и на Кудьмѣ у Вѣтчакскаго. Вскорѣ разинцы овладѣли Лысковымъ и Мурашкинымъ; въ Нижній были посланы двое лазутчиковъ съ «умильными письмами» (прокламаціями), въ которыхъ нижегородцы призывались къ возстанію во имя какого-то царевича Нечая, Алексѣя Алексѣевича. Но Нижній остался вѣрнень законной власти; лазутчики были схвачены и казнены, по распоряженію воеводы Голохвостова. Вслѣдъ за этимъ ополченіе нижегородскихъ дворянъ выступило къ с. Богородскому. Послѣ недолгой битвы, Богородское и все Березополье было очищено отъ мятежниковъ,

*) Въ Нижній были присланы Дмитрий Ивановичъ Плещеевъ съ подъячимъ Григоріемъ Абрамовымъ.

***) 1668 г., во время масленицы, въ Москвѣ начался грабежъ. См. Костомаровъ «Бунтъ Стеньки Разина».

прогнаны были разинцы и отъ Вѣтчака и съ Лысенковскаго перевоза. Но въ это время новыя шайки бунтовщиковъ, къ которымъ присоединились мурашкинцы, подступили къ Арзамасу. Съ помощью нижегородцевъ и московскаго подкрѣпленія арзамасскому воеводѣ Щербатову удалось разбить непріятеля, при чемъ множество было захвачено плѣнниковъ, — ихъ судили скорымъ судомъ и всѣхъ поголовно предали казни; весь Арзамасъ былъ окруженъ висѣлицами; его ближайшія окрестности, по словамъ одного очевидца *), представляли ужасающую картину: на висѣлицахъ болтались трупы казненныхъ, челоуѣкъ по сорока на каждой, валялись обезглавленные тѣла, отсѣченныя головы, раздавались стоны посаженныхъ на колъ. Послѣ того Щербатовъ направился къ Мурашкину и Лыскову. Въ то время мятежники осадили Макарьевскій монастырь. Перваго октября утромъ они расположились противъ монастыря за Волгой, на противоположной сторонѣ, и ударили изъ пушекъ. Атаманъ Осиповъ послалъ къ настоятелю двухъ казаковъ съ письмами Разина; но послы были задержаны. Настоятель о. Пахомій отобралъ письма и послалъ ихъ въ Москву къ царю, съ особымъ гонцомъ, — другого гонца послалъ онъ въ Нижній къ Голохвастову, прося защиты. Между тѣмъ Осиповъ, не дождавшись возвращенія своихъ казаковъ, послалъ въ монастырь еще двоихъ посланныхъ; но и эти были задержаны. О. Пахомій подвергъ ихъ строгому допросу и показанія ихъ отослалъ въ Москву. Между тѣмъ Осиповъ дождался своихъ посланныхъ; посланные не возвращались; раздраженные упорствомъ монаховъ, мятежники переправились черезъ Волгу, окружили монастырь съ трехъ сторонъ, къ стѣнамъ привалили бревна и зажгли ихъ. О. Пахомій и находившійся въ то время въ Макарьевскомъ монастырѣ сибирскій архіепископъ Симеонъ ободряли братію; взявъ икону преподобнаго Макарія, они обходили по стѣнамъ съ молебнымъ пѣніемъ. Мятежники стрѣляли изъ пушекъ; стѣны монастыря готовы были рухнуть, но монастырь не сдался. Тогда Осиповъ для переговоровъ послалъ въ монастырь мурашкинскаго попа Максима Давыдова. Атаманъ обѣщалъ отступить и больше не возвращаться къ монастырю, если ему

*) Костомаровъ «Бунтъ Стеньки Разина».

будутъ отпущены его казаки. Не желая раздражать буйную шайку, о. Пахомій, посовѣтовавшись съ братіей, отпустилъ казаковъ. Осиповъ началъ отступать, но, встрѣтивъ на противоположной сторонѣ Волги другую шайку бродягъ, снова внезапно воротился къ монастырю. Тогда всѣ иноки бѣжали въ окрестные лѣса; видя неминуемую гибель, удалился и о. Пахомій; остались только сибирскій архіепископъ Симеонъ да монастырскій ключарь, рѣшившіеся лучше умереть, нежели покинуть св. обитель. Мятежники ворвались и начали грабить. Но въ это время пронесся слухъ, что московскій отрядъ, подъ начальствомъ кн. Щербатова, двинулся къ Лыскову; это спасло монастырь; мятежники, между которыми большая часть была лысковцевъ, бросились защищать свои жилища.

Мятежъ въ предѣлахъ нижегородскихъ, вслѣдъ затѣмъ, вскорѣ окончательно былъ подавленъ. Казнь Разина усмирила открытое возстаніе, но броженіе безпокойныхъ умовъ продолжалось. Въ то время, когда на Волгѣ неистовствовала шайка всякаго сброда, подъ начальствомъ донского казака, въ самой Москвѣ подымалось волненіе другого рода: начиналось раскольничье движеніе, во главѣ котораго стояли люди, принадлежавшіе къ интеллигентному классу. Если движеніе «понизовой вольницы» было дѣломъ самыхъ низшихъ слоевъ, подонковъ тогдашняго общества, то начало возникновенія раскола, наоборотъ, обязано одному изъ первенствующихъ сословій—высшему духовенству, сословію, игравшему тогда важную роль въ государствѣ; первыми пропагандистами раскола, какъ извѣстно, были представители духовной іерархіи *), первыми ихъ адептами—представители высшей аристократіи **) въ Москвѣ, точно также и первыми насадителями раскола въ разныхъ углахъ Россіи были,

*) Главные—архимандритъ Аввакумъ, нижегородецъ, уроженецъ с. Григорова, нынѣ Княгининскаго уѣзда; попы—Лазарь, Никита и др.; изъ епископовъ особенно Павелъ Котенскій (который до епископства былъ долгое время священникомъ въ с. Кольчевѣ, нынѣ Макарьевскаго у., Нижегород. губ.). Кстати вспомнимъ, что и самъ Никонъ патріархъ былъ тоже уроженецъ нижегородскій, с. Вельдеманова Княгининскаго уѣзда.

**) Боярыня Морозова (Евдокія Прокофьевна), княгиня Урусова Стрѣшневъ и др.

первоначально, люди тѣхъ же высшихъ сословій *). Но раскольничья пропаганда вызвала горячія симпатіи въ средѣ народныхъ массъ и почти въ самомъ началѣ стала дѣломъ народнымъ.

Расколъ въ нижегородскомъ повожьѣ впервые появился на Бору, въ Безводномъ, Работахъ, Мурашкинѣ **). Но главнѣйшій центръ раскола образовался вскорѣ за Волгой, въ лѣсахъ керженскихъ и чернораменскихъ. Первыми поселенцами, среди глухихъ дремучихъ лѣсовъ на Керженцѣ, были—бѣглый монахъ Смоленскаго Бюзюкова монастыря, Сергѣй Салтыковъ и Ефремъ Потемкинъ, ими былъ основанъ здѣсь первый раскольничій скитъ въ 1657 году; урочище, гдѣ былъ когда-то этотъ скитъ (близъ д. Ларионовой, Семеновскаго уѣзда), и до сихъ поръ называется Смолянами. Преемникомъ Салтыкова былъ Діонисій Шуйскій, могила котораго и до сихъ поръ почитается раскольниками. При немъ Керженецъ приобрѣлъ важное значеніе, своего рода, митрополи всей поповщины. Сюда стали стекаться раскольники со всѣхъ концовъ тогдашней Россіи и изъ зарубежья, не только вся поповщина, но и безпоповцы; къ этому времени нужно отнести особенное развитіе керженскихъ скитовъ; среди лѣсныхъ чащъ тамъ и сямъ начали появляться новыя обители, сюда бѣжали съ поморья и изъ Соловецкаго монастыря; изъ числа этихъ бѣглецовъ Соловецкихъ довольно важную роль играютъ, въ исторіи мѣстнаго раскола, Софонтій и Онуфрій, основатели двухъ толковъ—Софонтьевщины и Онуфрѣевщины, и старецъ Арсеній, основатель Шарновскаго скита (уничтоженнаго въ 1853 г.). Арсеній, по преданью, пришелъ изъ поморья, слѣдуя за иконой, несшейся передъ нимъ по небу,—эта икона остановилась на Керженцѣ, гдѣ и былъ имъ основанъ скитъ ***). Послѣ смерти Діонисія въ 1690 г. на Керженецъ являются двое новыхъ пришельцевъ,—черный попъ Θεодосій, бѣжавшій изъ бѣлоозерскаго заточенья, и пошехонскій дворянинъ

*) Напр.: Салтыковъ, Шуйскій, Потемкинъ, впоследствии князя Мышицкіе и др.

**) См. Храмовскій «Краткій очеркъ исторіи и описаніе Нижн.-Новгор.», стр. 91.

***) См. «Истор. оч. поповщины» П. И. Мельникова. «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго.

Еоодоръ Яковлевичъ Токмачевъ. Еоодосій былъ достойнымъ продолжателемъ Шуйскаго, при немъ Керженецъ достигъ апогея своей славы. Еоодосій смѣло велъ пропаганду старообрядчества и продолжалъ, подобно своему предшественнику, привлекать къ себѣ цѣлыя толпы бѣглецовъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе властей; начались розыски; его сотрудникъ въ дѣлѣ пропаганды, Токмачевъ, былъ схваченъ; скитъ уничтоженъ; Еоодосію удалось спастись бѣгствомъ; онъ ушелъ на Вѣтку *), а Токмачевъ поплатился жизнью: онъ былъ казненъ **).

Съ появленіемъ раскола въ нижегородскихъ предѣлахъ тѣсно связано учрежденіе нижегородской епархіи. Нужно замѣтить, что съ самаго основанія своего Нижній-Новгородъ и земля низовская, не составлявшая отдѣльной епархіи, зависѣла, въ дѣлахъ духовныхъ, сначала отъ Владиміро-Суздальскаго епископа,—затѣмъ епископы, въ вѣдѣніи которыхъ находился нижегородскій край, назывались Суздальско-Нижегородскими. Съ конца XIV столѣтія Нижній зависитъ отъ Московскихъ митрополитовъ и затѣмъ, со времени патріарха Филарета Никитича, съ 1625 года, отъ Московскихъ патріарховъ. Первая попытка учредить отдѣльную нижегородскую епархію принадлежала еще Великому Князю Нижегородскому Андрею Константиновичу, который, съ цѣлью возвысить значеніе новой столицы княжества, переселилъ въ Нижній изъ Суздаля епископа Алексѣя; но попытка эта не удалась: вскорѣ послѣ смерти Андрея, Алексѣй, по повелѣнію московскаго митрополита Алексѣя, былъ снова перемѣщенъ въ Суздаль. Въ царствованіе Еоодора Ивановича, при учрежденіи патріаршества, на 28 московскомъ соборѣ, въ 1589 году, было рѣшено учредить въ Россіи четыре митрополіи, шесть архіепископствъ и восемь епископій; въ числѣ шести архіепископствъ было рѣшено учредить и отдѣльное нижегородское. Почему не приведено было въ исполненіе постановленіе 28 собора, неизвѣстно. Наконецъ, во время начавшагося сильнаго распространенія раскола, въ предѣлахъ низовской земли, въ 50-хъ годахъ XVII столѣтія, царь Алексѣй Михайловичъ «всеусердно поболѣ о семъ» рѣшилъ,

*) Вѣтка—нынѣ Могилевской губ.

**) «Истор. оч. поповщины» П. И. Мельникова.

«яко не лѣпо Богоспасаемому Нижнему Нову-граду съ окрестными грады и весимя, занеже есть многолюденъ, красотою же и всякимъ довольствомъ паче иныхъ градовъ преизобилующъ, быти безъ архіерея» *). Послѣ чего на соборѣ 1667 года, созванномъ, какъ извѣстно, для суда надъ патріархомъ Никономъ, снова былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи нижегородской епархіи; была рассмотрѣна грамота соборнаго постановленія 1589 года, но почему-то опять объ учрежденіи нижегородской епархіи не послѣдовало окончательнаго рѣшенія. Между тѣмъ расколъ въ нижегородскихъ предѣлахъ увеличивался съ каждымъ годомъ; въ закудѣмскомъ станѣ, по словамъ «нижегородскаго лѣтописца», явилась дикая секта самосожигателей—«многіе прельстишеса съ женами и дѣтьми на овинахъ пожигошеса», говорить онъ; въ заволжѣ появились морильщики, обрекавшие себя на голодную смерть; гробополагатели, которые, лежа въ заранѣе приготовленныхъ гробахъ, дожидались кончины міра, архангельскаго трубнаго гласа **). Это страшное распространеніе раскола вокругъ Нижняго, появленіе многихъ вредныхъ сектъ, побудило, наконецъ, правительство окончательно рѣшить вопросъ объ учрежденіи нижегородской епархіи. Собрался въ Москвѣ новый соборъ въ 1672 г.; но замѣчательно, что и на этомъ соборѣ духовныя власти почему-то долго колебались рѣшить вопросъ утвердительно и только послѣ долгаго обсужденія, наконецъ, постановлено, было «въ великомъ княженіи низовской земли архіерею быти». Въ архіепископы нижегородскіе выбранъ былъ нижегородскій уроженецъ, архимандритъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря Филаретъ. Это произошло 24-го апрѣля 1672 года. Такимъ образомъ была учреждена нижегородская епархіа. Пастыри новой епархіи, до конца прошлаго

*) См. «Исторія нижегородской іерархіи» архимандрита Макарія, изд. 1857 г., стр. 4.

**) П. И. Мельниковъ въ своихъ «Истор. оч. поповщины» приводитъ пѣснь гробополагателей, которую они, лежа въ гробу, припѣвали; она начинается такъ:

Гробъ древянь сосновый
Для меня основанъ,
Буду въ немъ лежати,
Трубна гласа ждати и т. д.

столѣтія, именовались нижегородскими и алатырскими и только съ конца 1799 года стали именоваться нижегородскими и арзамасскими *).

Однако, учрежденіе нижегородской епархіи, на первых порахъ, оказывало мало вліянія,—расколъ, нисколько не уменьшался. Первые епископы нижегородскіе были люди мало энергичные, больше заботившіеся о благолѣпіи церковномъ, а одинъ изъ нихъ, именно Исаія, былъ даже заподозрѣнъ въ потворствѣ расколу, за что и сосланъ въ Бѣлоозерскій монастырь въ заточеніе.

Время царствованія Петра Великаго и его преемниковъ въ нижегородской исторіи отмѣчено борьбой съ расколомъ и распространеніемъ христіанства между инородцами-язычниками.

Расколъ въ предѣлахъ нижегородскаго поволяжья особенно усилился къ концу XVII столѣтія. Среди разныхъ толковъ и согласій на Керженцѣ появился, въ это время, новый толкъ дьяконовцевъ или кадилыщиковъ, основателемъ его былъ нѣкто Александръ-дьяконъ; ученіе Александра было также наивно и касалось такихъ-же пустыхъ обрядностей, какъ и вообще все, на чемъ и до сей поры зиждется старообрядчество, но на взглядъ раскольниковъ все это казалось весьма важнымъ. Александръ-дьяконъ, главнымъ образомъ, училъ, что для перехода «никоіанскаго» священника въ старообрядческую «церковь» не нужно не перекрещиваться по старому обряду, какъ это дѣлалось у раскольниковъ раньше и что называлось принятіемъ «первымъ чиномъ», ни перемазываться муромъ, какъ дѣлалось впоследствии (второй чинъ), а что достаточно одной «исправы», т. е. отреченія отъ никоновыхъ преданій и произнесенія проклятія на «еретическія нововводства». Кромѣ того онъ, въ отличіе отъ другихъ керженскихъ толковъ, какъ и большинства старообрядцевъ, признававшихъ только восьмиконечный трисоставный крестъ, не отвергалъ и четырехконечнаго двусоставнаго; допускалъ онъ также поклоненіе иконамъ новаго письма,—нѣкоторое измѣненіе въ чтеніи молитвъ и т. п. Кадилыщиками называли послѣдователей ученія Александра потому, что при богослуженіи у нихъ былъ принятъ особый приемъ кажденія—крестообразно на четыре стороны. Толкъ этотъ

*) См. «Исторію нижегор. іерархіи» архимандрита Макарія, стр. 8.

сильно распространялся за Волгой и отличался особенным фанатизмомъ. Главнымъ послѣдователемъ и подручникомъ Александра, въ дѣлѣ пропаганды, былъ нѣкій старецъ Варсонофій. Были въ заволяжѣ и другіе ярые пропагандисты раскола, имѣвшіе громадное вліяніе на народъ, какъ на примѣръ, старецъ Авраамій Ивановъ, юродствующій Василій, по прозванію Пчелка. Между раскольниками ходили разные нелѣпыя слухи. Рассказывали, что по всѣмъ явственнымъ признакамъ наступаютъ послѣднія времена, уже народился и антихристъ, и этотъ антихристъ ни кто другой, какъ самъ Петръ Великій, который вовсе не сынъ благочестиваго царя Алексѣя Михайловича, а жидовинъ-еврей, изъ колѣна Данова *). Замѣчательно, что раскольники начинаютъ преслѣдовать своей ненавистью Петра Великаго съ самаго ранняго его дѣтства, какъ будто предчувствуютъ въ немъ своего будущаго неумолимаго гонителя. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ и Петръ привыкъ смотрѣть на нихъ какъ на враговъ всякаго порядка. Еще будучи десяти лѣтъ отъ роду, во время извѣстнаго раскольничьяго бунта, 5 іюня 1682 года, когда подъ предводительствомъ разстриги Никиты Пустосвята, ворвались они въ Грановитую палату, Петръ воскликнулъ: «пока вѣнецъ на главѣ моей и душа въ тѣлѣ моемъ пребудетъ, не поущу невѣждъ на церковь воевати». И Петръ не забылъ событія, поразившаго его въ дѣтствѣ; всѣми мѣрами старался онъ искоренять расколъ. Тотчасъ послѣ Полтавской побѣды, Петръ принялся за дѣла раскольничьи, однако слишкомъ крутыхъ мѣръ онъ не желалъ принимать. Зная съ одной стороны, что прежняя гонительная система нисколько не способствовала уничтоженію раскола, а, напротивъ, еще болѣе усиливала и ожесточала въ немъ врага, съ другой стороны, не считая себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла личной совѣсти своихъ подданныхъ, онъ не желалъ подымать преслѣдованія за религіозныя убѣжденія, въ то же время онъ не могъ попустить распространенія дикихъ заблужденій. «Господь далъ царямъ, говорилъ онъ, власть надъ народомъ, а надъ совѣстью людей воленъ одинъ Христосъ». Онъ рѣшился дѣйствовать, по возможности, силою убѣжденія. Для

*) Отъ колѣна Данова, по мнѣнію раскольниковъ, долженъ произойти антихристъ.

керженскихъ раскольниковъ онъ нашелъ способнаго къ тому человѣка въ лицѣ игумена Переяславскаго монастыря Питирима, уроженца нижегородскаго и при томъ бывшаго раскольничьяго быта. Въ это время расколъ въ заволжѣ до такой степени распространился, что въ одномъ Балахнинскомъ *) и Юрьевецкомъ **) уѣздахъ считалось 46 тысячъ раскольниковъ. Керженецъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ притоновъ раскола. Митрополитомъ нижегородскимъ тогда былъ Сильвестръ, изъ рода Волынекихъ. Питиримъ былъ отправленъ въ Нижній, въ помощь ему данъ гвардіи капитанъ Юрій Ржевскій, поставленный вскорѣ, по просьбѣ Питирима, нижегородскимъ вице-губернаторомъ. Предвидя, что однимъ мѣрами кротости нельзя будетъ обойтись, не желая однако связывать со своимъ именемъ славу гонителя за расколъ, Петръ писалъ въ инструкціи къ Ржевскому—«буди возможно явную вину сыскать кромѣ раскола, такихъ съ наказаніемъ и вырѣзаніемъ ноздрей сослать на галеры, а буди нѣтъ причины явной, поступать съ ними по словесному указу». Такимъ образомъ предписывалась крайняя осторожность въ обращеніи съ раскольниками; чтобы дѣйствія Питирима и Ржевскаго, по возможности, не носили характера преслѣдованія собственно за расколъ, рекомендовалось отыскивать къ наказанію какіе-нибудь другіе предлоги—«явную вину кромѣ раскола». Въ 1718 г. Ржевскій доносилъ царю, что за неповиновеніе властямъ и непокорность даже царскому указу, относительно платежа окладовъ ***), было бито кнутомъ и съ вынудіемъ ноздрей сослано въ каторжную работу «необратныхъ и замерзѣлыхъ раскольщиковъ» 23 человѣка, а въ томъ числѣ «необратнаго жъ раскольщика Василья Пчелку», да женскаго пола 46 человѣкъ разослано по дѣвичьимъ монастырямъ. Въ то же время Питиримъ доносилъ, что обратилось отъ раскола 3000 человѣкъ, которые теперь крестятся тремя перстами, обратившихся же не совсѣмъ, т. е. придерживающихся двуперстія, онъ обложилъ половиннымъ

*) Въ составъ Балахнинскаго уѣзда тогда входилъ и теперешній Семеновскій уѣздъ.

**) Юрьевецкій у. принадлежалъ тогда къ нижегородской области.

***) Раскольники были обложены двойнымъ окладомъ.

окладомъ «противъ замерзѣлыхъ». Многіе же, не хотя платить денегъ за расколъ, убѣгали на Усту *), которыхъ слѣдуетъ, писалъ онъ, водворить на прежнее мѣстожительство.

Въ числѣ схваченныхъ и сосланныхъ въ каторгу въ С.-Петербургъ былъ и старецъ Авраамій, главный вожакъ керженскаго раскола.

Въ своемъ донесеніи Пителимъ совѣтовалъ царю принять мѣры строгости, самъ же хотѣлъ казаться въ сторонѣ отъ этого режима.

Вскорѣ митрополитъ Сильвестръ былъ переведенъ съ нижегородской каѳедры въ Смоленскъ и его мѣсто занялъ Пителимъ, въ санѣ однако не митрополита, а только архіепископа. Противураскольничья пропаганда Пителима началась еще въ 1716 году написаніемъ 130 вопросовъ, посланныхъ на Керженецъ послѣдователямъ дяконова толка, во главѣ котораго, кромѣ дякона-Александра, стояли—старецъ Варсонофій, Герасимъ и Иосифъ. Пителимъ требовалъ отвѣтовъ; вмѣсто отвѣтовъ раскольники прислали ему своихъ 240 вопросовъ; Пителимъ написалъ на нихъ отвѣты, которые впослѣдствіи были напечатаны и составили собою книгу, такъ называемую Пращицу. Написавъ свои отвѣты, Пителимъ ихъ не давалъ въ руки раскольникамъ, а требовалъ сначала отвѣтовъ на свои вопросы; дяконовцы медлили. Сдѣлавшись главой епархіи, Пителимъ повторилъ свои требованія съ большей настойчивостью; керженцы продолжали увертываться. Пителимъ настаивалъ на своемъ требованіи.—Между тѣмъ керженскіе старцы чувствовали себя не въ силахъ состязаться съ Пителимомъ. Жилъ въ то время въ поморѣ, въ лѣсахъ олонецкихъ, въ Выгорѣцкомъ скитѣ «Поморской церкви знаменитый членъ, мужъ ученѣйшій, высокихъ талантовъ, твердаго духа и дивной памяти... первый образователь Выгорѣцкой киновіи и украшитель церковнаго благолѣпія, славный писатель» **) Андрей Денисовъ,

*) Рѣка Уста впадаетъ въ р. Ветлугу, въ предѣлахъ нынѣшняго Макарьевскаго у., Нижегородской губ., противъ дер. Плошанихи, въ 1 вер. выше с. Воскресенскаго. Здѣсь въ свое время образовался новый центръ раскола—уренскіе скиты, близъ села Уреня, нынѣ Костромской губ., Варнавинскаго уѣзда; этихъ скитовъ теперь не существуетъ.

**) Каталогъ Павла Любопытнаго (Отцы и учителя поморской секты I).

изъ рода князей Мышицкихъ; это былъ человекъ болѣе чѣмъ образованный по тогдашнему времени. Къ нему-то дьяконовцы и рѣшили обратиться за помощью, только онъ, посвятившій не мало лѣтъ на изученіе догматовъ православія, изучившій до тонкости всѣ отличія раскольниковыхъ толковъ отъ ученія истинной церкви, могъ состязаться съ Питиримомъ, тоже глубокимъ знатокомъ и православія, и раскола. Послѣ долгихъ убѣжденій, безпоповецъ Денисовъ взялся написать отвѣты на питиримовы вопросы въ защиту поповщины. Съ этими-то отвѣтами, проникнутыми ядомъ тонкой ироніи, явились керженскіе старцы къ Питириму въ концѣ сентября 1719 года. Питиримъ назначилъ всѣмъ старцамъ собраться 1-го октября, въ день Покрова Пресвятой Богородицы, въ с. Пафнутовѣ *) для диспута, гдѣ и обѣщаль всенародно вручить свои отвѣты; это былъ роковой день для всего Керженца. Передъ началомъ диспута, Питиримъ, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, окруженный громадной толпой, подозвалъ къ себѣ Александра-дьякона, Варсонофія, Герасима и Юсифа. Когда они приблизились, онъ показаль имъ рукопись ихъ отвѣтовъ, показаль ихъ подписи и спросилъ: подлинно ли эта рукопись та, которую они ему вручили?... Старцы признали ея подлинность. Тогда онъ вручилъ имъ свои отвѣты и обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ, возражая на ихъ отвѣты. Ни одного возраженія Питирима старцы не могли опровергнуть; они молчали и поминутно кланялись въ землю, говорилъ только одинъ Питиримъ. Когда онъ кончилъ, всѣ старцы пали передъ нимъ ницъ. Желая унизить ихъ въ глазахъ народа, Питиримъ долго молча стоялъ и глядѣлъ на валявшихся у него въ ногахъ учителей раскольниковыхъ,—наконецъ, велѣлъ имъ подняться. Старцы отреклись отъ своихъ отвѣтовъ, отреклись и вообще отъ прежнихъ заблужденій. Посрамленіе было полное. Московскіе раскольники не хотѣли вѣрить показанію нижегородскаго епископа объ отреченіи керженскихъ старцевъ. Петръ Великій приказаль, для убѣжденія ихъ, прибыть Питириму въ Москву съ кѣмъ-нибудь изъ свидѣтелей пафнутовскаго диспута. Въ январѣ 1720 года Питиримъ прибылъ съ Варсонофіемъ, который подтвердилъ отреченіе за себя и

*) Нынѣ Семеновскаго уѣзда.

за всѣхъ остальныхъ керженскихъ старцевъ, но въ это же время явился и Александръ-дьяконъ, которой подалъ жалобу на Питирима. Изъ этой жалобы видно, что нижегородскій архіепископъ дѣйствовалъ далеко не одной силой убѣжденія, какъ онъ доносилъ въ своемъ «объявленіи» *) о Пафнutowскомъ диспутѣ: около году держалъ онъ Александра и другихъ старцевъ въ оковахъ при архіерейскомъ домѣ и принудилъ, страхомъ пытокъ, подписать отреченіе. «И мы убогіе, жалуется Александръ-дьяконъ, во узехъ истомленные, бояся отъ него, епископа, большихъ мукъ и ссылокъ и ноздрей рванія, якоже и надъ другими учинено, для того ни о чемъ спорить ему не смѣли» **). Просьба Александра-дьякона была показана Варсонофію, но тотъ заявилъ, отъ лица всѣхъ старцевъ, что то дѣло Александра и что просьба писана безъ вѣдома Керженца, при чемъ онъ снова подтверждаетъ отреченіе. Тогда Петръ Великій приказалъ Александра-дьякона подвергнуть пыткамъ и затѣмъ, воротивъ въ Нижній, казнить «за его воровство». Трупъ несчастнаго основателя дьяконовщины былъ всенародно сожженъ на Благовѣщенской площади.

Усиленію раскола не мало способствовала также невѣжественность самого тогдашняго русскаго духовенства. Многіе изъ священниковъ сами втайнѣ сочувствовали раскольничьимъ бреднямъ, нѣкоторые даже прямо переходили въ расколъ, вслѣдствіе чего Петръ Великій учреждалъ особыя школы, безъ окончанія курса въ которыхъ никто не могъ быть посвященъ въ санъ іерея. Въ Нижнемъ-Новгородѣ Питиримомъ были учреждены двѣ такихъ школы—эллино-греческая и славяно-русская, которыя, вмѣстѣ съ учрежденной, впоследствии, славяно-латино-греческой школой послужили основаніемъ нижегородской духовной семинаріи. Первые двѣ школы были учреждены въ 1721 году.

Обращеніе въ христіанство язычниковъ начато было еще въ XIV в. св. Макаріемъ Желтоводскимъ, святая под-

*) «Объявленіе, како преосвященный еписк. ниж. и алаторскій съ раскольничьими учителями размѣнялся вопросами и отвѣтами» (см. Ист. проsv. Россіи Пекарскаго).

**) См. объ этомъ документъ у Пекарскаго «Исторія проsv. Россіи» томъ II, стр. 472.

вижническая жизнь котораго привлекла къ нему не однихъ христіанъ,—къ нему толпами ходили язычники: черемисы, татары, мордва, чуваша и охотно отъ него принимали крещеніе. Послѣ покоренія Казани на поприщѣ распространенія христіанства среди инородцевъ подвизался Гурій, митрополитъ казанскій, Германъ и Варсонофій. Въ години бунтовъ и смуть миссіонерская дѣятельность на Волгѣ прекратилась на время. Въ XVIII столѣтіи продолжателемъ Гурія является Пителимъ, который былъ не только борцомъ противъ раскола, но и ревностнымъ просвѣтителемъ инородцевъ. Особенно же памятно, въ исторіи мѣстнаго края, обращеніе языческой мордвы нижегородскимъ епископомъ Дмитріемъ Сѣченовымъ, принявшимъ въ 1742 году епархію отъ Іоанна Дубинскаго, преемника Пителима (Іоаннъ управлялъ епархіей только три года). Сѣченовъ, по тогдашнему времени, былъ человѣкомъ вполне образованнымъ; онъ обучался въ московской славяно-греко-латинской академіи, нѣкоторое время въ ней же былъ преподавателемъ; въ 1735 году, будучи 44 лѣтъ отъ роду, постригся и черезъ 8 лѣтъ занялъ нижегородскую кафедру. Его миссіонерская дѣятельность началась еще раньше, когда, въ санѣ архимандрита, онъ былъ посланъ въ Казань, для учрежденія «конторы новокрещенныхъ дѣлъ»; здѣсь имъ въ теченіи 2 лѣтъ было обращено 17362 иновѣрца *). Образомъ дѣйствій Дмитрій Сѣченовъ напоминалъ Пителима; какъ и Пителимъ, онъ нерѣдко прибѣгалъ къ нѣкоторымъ мѣрамъ, которыя можно назвать болѣе чѣмъ рѣшительными,—его обвиняють даже въ жестокости. Особенно немилосердно онъ относился къ терюшевской мордвѣ, за что самъ чуть не заплатилъ жизнью: его чуть не убили, послѣ того, какъ было сожжено имъ мордовское кладбище близъ с. Сарлей; онъ спасся на этотъ разъ только тѣмъ, что все время, пока его розыскивала взбунтовавшаяся мордва, просидѣлъ у одной попадьи въ подвалѣ, подъ кадкой **) и затѣмъ тайно, окольными путями, пробрался къ Макарьевскому монастырю. Послѣ этого событія, тотчасъ-же по воз-

*) Въ вѣдѣніе которой вошли, по теперешнему распредѣленію, четыре губерніи: Казанская, Астраханская, Нижегородская и Воронежская, см. Изложеніе хода миссіонерскаго дѣла А. Можаровскаго.

**) Прим. П. И. Мельникова къ «Нижегородкѣ» Гашискаго.

вращеніи въ Нижній, Сѣченовъ донесъ обо всемъ Святѣйшему Синоду. Началось слѣдственное дѣло: человекъ 200 мордвы были посажены въ нижегородскій острогъ, большинство изъ которыхъ были вскорѣ окрещены и отпущены, но, возвратившись на свои пепелища, крещеная въ острогѣ, мордва «кресты съ себя посметала, отъ Христовой вѣры отреклась и крещеніе ни во что вмѣнила» ¹⁾. Вскорѣ послѣ того для обращенія мордвы Дмитрій Сѣченовъ отправилъ въ терюшевскую волость военную команду, подъ начальствомъ капитана Шмакова, въ сопровожденіи двухъ иноковъ ²⁾. Мордва въ испугѣ повсюду бѣжала изъ деревень и пряталась въ лѣсу; иноки, проходя селеніями, видѣли одни пустые дома, впрочемъ, имъ удалось найти и окрестить одну слѣпую мордовку да хвораго парня ³⁾; вскорѣ и капитану Шмакову посчастливилось переловить до 500 бѣглыхъ, которые тотчасъ-же были окрещены ⁴⁾. Бунтъ снова готовъ былъ вспыхнуть, но Сѣченовъ не смущался: изъ Нижняго прислано свѣжее подкрѣпленіе. Зимой, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда сильные морозы повыгнали мордву изъ окрестныхъ лѣсовъ къ своимъ избамъ, бунтъ дѣйствительно разгорѣлся. Произошла горячая схватка терюханъ съ нижегородскими солдатами; въ помощь Шмакову прислана была новая команда, подъ начальствомъ маіора Онера ⁵⁾. Въ концѣ зимы близъ Терюшева произошло сраженіе. Мордва была разбита на голову, 130 человекъ захвачено въ плѣнъ ⁶⁾. Несмотря на такія *энергическія* дѣйствія, всетаки среди мордвы еще много оставалось некрещенныхъ, полное обращеніе которыхъ Дмитрію Сѣченову стоило еще двухъ лѣтъ подобнаго же *упорнаю* труда. ✶

Между тѣмъ надъ русской землей снова надвигались грозныя тучи. Въ то время, когда въ Петербургѣ при Дворѣ задавались пышные праздники, когда все, окружавшее тронъ, блистало великолѣпіемъ и все безопасно предавалось упоенію величіемъ и славой своей монархини, льстиво воспѣвая ей дифирамбы,—въ глухихъ деревняхъ подымалась тревога; начиналось опять почти то же, что и передъ появленіемъ

¹⁾ «Кузьма, пророкъ мордвы-терюханъ», В. Сибирякова (составлено на основаніи документовъ). Ист. Вѣстн. октябрь 1892 г. ²⁾ Тамъ-же. ³⁾ Тамъ-же. ⁴⁾ Тамъ-же. ⁵⁾ Тамъ-же. ⁶⁾ Тамъ-же.

Стеньки Разина. Экономическія условія народнаго быта были такъ же тяжелы, какъ и тогда, если только еще не тяжелѣй. Помѣщичьи крестьяне доведены были до разоренія тяжелыми оброками. Положеніе казенныхъ было не лучше, вслѣдствіе злоупотребленія чиновниковъ. Подымался ропоть. Въ столицѣ никто не подозрѣвалъ объ этомъ, только одно сердце самой императрицы чуюло недоброе; въ нѣкоторыхъ указахъ своихъ она обращала вниманіе властей на положеніе народа, но мѣръ никакихъ не принималось. Къ вящему усугубленію подымавшагося волненія еще присоединилась раскольничья интрига. Опять повторилось то же, что и при Стенькѣ Разинѣ—народъ громко ропталъ на бояръ и властей, но къ имени императрицы относился свято, народъ даже надѣялся на нее и ждалъ какихъ-то льготъ; ходили по деревнямъ, нарочно пущенные, слухи о намѣреніи царицы отобрать крестьянъ отъ тѣхъ помѣщиковъ, которые слишкомъ ихъ притѣсняли. Начались въ разныхъ мѣстахъ бунты. Чума, разразившаяся въ Россіи, еще болѣе распатала непрочный строй государства. Все это разрѣшилось пугачевщиной.

Главнымъ полемъ дѣйствій пугачевщины, точно такъ же, какъ и разинскаго бунта, было поволжье, на которомъ, незадолго до того, точно такъ же, какъ и передъ появленіемъ Разина, особенно усилились разбои.

Вскорѣ послѣ взятія Пугачевымъ Казани онъ самъ былъ разбитъ, преслѣдуемый графомъ Мелинымъ; онъ переправился на правую сторону Волги, взялъ Цивильскъ и, раздѣливъ остатки своего войска на двѣ половины, однихъ отсюда послалъ къ Алатырю, а другихъ къ Нижнему. Ужась объялъ нижегородцевъ, когда пришла вѣсть о приближеніи Пугачевского отряда. Дворяне покидали свои помѣстья и бѣжали въ Нижній, толпы бунтующихъ крестьянъ, бродившія по дорогамъ, ихъ перехватывали и расправлялись позвѣрски. 20 іюля 1774 года былъ взятъ Курмышъ. Пугачевъ уже стоялъ почти на границѣ Нижегородской губерніи за Сурой. Толпы крестьянъ, преимущественно дворовыхъ, убѣгали въ его станъ, грабили и убивали своихъ господъ. Въ посурьѣ и до сихъ поръ существуетъ пропасть легендъ объ этомъ времени. Много помѣщичьихъ семей искало спасенія въ Нижнемъ. Между тѣмъ воевода нижегородскій Ступи-

шинъ не могъ ручаться за безопасность города; въ письмѣ къ московскому градоначальнику, кн. Волконскому, онъ выражалъ опасенія даже и относительно Москвы. Волненіе около Нижняго росло, несмотря на всевозможныя мѣры, принятыя Ступишинымъ. Манифесты, разосланные еще минушею зимой по губерніи, мало дѣйствовали на народъ, опьяненный нелѣпыми обѣщаніями мятежниковъ. Въ концѣ 1773 года около Богородскаго *) были пойманы трое мятежниковъ, возбуждавшихъ къ возстанію Березополье, приведены къ Ступишину, который велѣлъ ихъ повѣсить на висѣлицахъ, устроенныхъ на плотяхъ, и пустить по теченію Волги, мимо приволжскихъ бунтующихъ селъ.

Вскорѣ послѣ поимки и послѣдовавшей затѣмъ казни Пугачева возмущеніе стихло, стихло мало-по-малу и начинавшееся было движеніе нижегородскихъ крестьянъ, благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ Ступишина и его сотрудника, въ дѣлѣ усмиренія мятежа, епископа Антонія Зыбелина. Кончился мятежъ и наступили тяжелые дни расплаты за него; наступилъ голодъ. Вотъ какъ описываетъ покойный А. С. Гацискій въ своей «Нижегородкѣ» тяжелое экономическое положеніе народа въ это время: «мертвецы валялись по дорогамъ, голодные бродили, нигдѣ не находя себѣ пристанища, и только немногіе имъ помогали. Такъ, напримѣръ, Саровскій монастырь былъ для поволжья убѣжищемъ всѣмъ голоднымъ, которые издалека стекались сюда. Въ продолженіи 3 дней 500 голодныхъ были снабжаемы здѣсь обѣдомъ, чтобы уступить послѣ того мѣсто другимъ пяти-стамъ голоднымъ».

Пугачевскій бунтъ раскрылъ на многое глаза императрицы, онъ обнаружилъ несостоятельность многихъ сторонъ прежняго порядка управленія, порядка, при которомъ давался полный просторъ всякому произволу, всякимъ злоупотребленіямъ власти. Не одно злоупотребленіе помѣщицъею властью вызвало пугачевскій бунтъ, не одни помѣщицьи крестьяне стонали подъ тяжелымъ ярмомъ крѣпостничества, истощались непосильными оброками и выбивались изъ силъ на обязательныхъ работахъ барщины, едва ли не хуже было

*) У Рычкова «Опытъ Казанской исторіи»: около с. Фокина на Волгѣ.

положеніе крестьянъ казенныхъ и монастырскихъ отъ невыносимыхъ притѣсненій, вымогательствъ и поборовъ чиновниковъ и тогдашнихъ духовныхъ властей.

Все, что творилось въ глуши провинцій, вдали отъ столицы, никогда не всплывало наружу, не доходило до свѣдѣнія высшаго правительства или, по крайней мѣрѣ, тщательно скрывалось отъ самой императрицы. При тогдашнемъ управленіи была полная возможность скрыть что угодно, а потому и дѣлать все, что угодно. Увидавъ изнанку положенія дѣлъ, мудрая въ дѣлахъ внѣшней политики, Екатерина невольно ужаснулась и сейчасъ же предприняла энергическія мѣры къ водворенію внутренняго порядка государства. Едва въ 1774 году былъ подавленъ бунтъ, какъ въ слѣдующемъ году издано новое учрежденіе для управленія губерній.

Еще въ 1708 году Петромъ Великимъ вся Россія была раздѣлена на 8 губерній *), при чемъ Нижній причисленъ былъ къ Казанской. Такое распределеніе оказалось неудобнымъ: губерніи были слишкомъ велики. По новому распределенію Екатерины каждая губернія должна была заключать въ себѣ не болѣе какъ отъ 300 до 400 т. жителей и раздѣляться на уѣзды по 20—30 т. жителей, кромѣ того каждыя двѣ или три губерніи должны были составлять намѣстничество. Указъ о нижегородскомъ намѣстничествѣ былъ изданъ въ сентябрѣ 1779 года, торжественное открытіе котораго было 22 декабря. Окончательное же введеніе новаго порядка управленія въ нижегородскомъ краѣ совершилось лишь въ январѣ 1780 года; первымъ нижегородскимъ намѣстникомъ былъ сдѣланъ Ступишинъ; первымъ губернаторомъ назначенъ Обуховъ и вице-губернаторомъ при немъ Запольскій. Но такой порядокъ управленія просуществовалъ недолго, всего 20 лѣтъ **). Въ 1800 году послѣдовало закрытіе нижегородскаго намѣстничества.

При первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи нижегородская область, составляя часть Казанской губерніи, была раз-

*) Московскую, Петербургскую, Кіевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую.

***) За все это время было намѣстниковъ трое, послѣ Ступишина, управлявшаго до 1783 года, былъ Ив. Макс. фонъ-Ребиндеръ, а послѣ него съ 1796 года до упраздненія Анд. Ив. Вяземскій.

дѣлена на три провинціи: Нижегородскую, Арзамасскую и Алаторскую и заключала въ себѣ, кромѣ Нижняго, слѣдующіе города: Балахну, Юрьевецъ-Поволожскій, Арзамасъ, Алатырь, Курмышъ и Ядринъ. При учрежденіи намѣстничества въ составъ Нижегородской губерніи вошли еще Василь-Сурскъ, Макарьевъ и вновь образованные изъ экономическихъ селъ: Ардатовъ, Горбатовъ, Княгининъ, Лукояновъ, Перевозъ, Починки, Семеновъ и Сергачъ. Въ 1798 году къ Нижегородской губерніи еще причислены Краснослободскъ, Троицкъ и Наровчатскъ, нынѣ уѣздные города Пензенской губ. Вскорѣ послѣ того Макарьевъ, Перевозъ, Починки, Сергачъ, Троицкъ и Наровчатскъ оставлены были за штатомъ, а въ 1802 году Краснослободскъ, Троицкъ и Наровчатскъ причислены къ Пензенской губерніи, Ядринъ къ Казанской, Курмышъ и Алатырь къ Симбирской, Юрьевецъ къ Костромской. Въ 1804 году упраздненный Макарьевъ снова возобновленъ.

Такъ образовалось 11 уѣздовъ, и Нижегородская губернія вступила въ тѣ предѣлы, которые сохранились и до сего времени. Съ тѣхъ поръ никакихъ существенныхъ перемѣнъ, во внутреннемъ порядкѣ распредѣленія губерніи, не было, за исключеніемъ маленькаго временнаго измѣненія: въ 1817 году г. Лукояновъ сторѣль до тла, былъ упраздненъ и на мѣсто его образованъ новый городъ Мадаевъ и уѣздъ назывался Мадаевскимъ, но въ 1820 году Лукояновъ снова былъ возобновленъ.

Давно утратившій свое прежнее значеніе, давно сошедшій съ арены исторической жизни государства, Нижній-Новгородъ съ начала XIX вѣка приобретаетъ новое значеніе одного изъ величайшихъ въ Россіи торговыхъ пунктовъ, приобретаетъ онъ это значеніе съ тѣхъ поръ, какъ въ 1817 году сюда переведена была Макарьевская ярмарка.

Съ 1641 года, когда ярмарка официально была учреждена у Макарьевского монастыря, торговля ея съ каждымъ годомъ быстро развивалась, при монастырѣ ежегодно строились новые корпуса лавокъ и разныя помѣщенія для склада товаровъ. Съ тѣхъ поръ въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ Макарьевскій торгъ развился до того, что сталъ однимъ изъ крупнѣйшихъ въ Московскомъ государствѣ. Къ Макарію начали съѣзжаться купцы со всей тогдашней Россіи,—прѣзжали и изъ-за границы, торговля происходила уже не одинъ день,

какъ было до того, а цѣлыхъ двѣ недѣли. Въ началѣ-же царствованія Петра Великаго, его наставникъ, Зотовъ, посѣтившій Макарьевскую ярмарку, въ письмѣ къ царю называлъ ее «зело великимъ сходбищемъ, о которомъ думать всегда надлежитъ».

Сначала ярмарка составляла собственность монастыря, чѣмъ и объясняется его необычное когда-то богатство. Петръ Великій первый отнялъ отъ него часть доходовъ, а при Елизаветѣ Петровнѣ, послѣ того какъ были выстроены на казенный счетъ помѣщенія для торговли, и весь доходъ вѣдно было собирать въ казну.

Въ 1766 году по указу Екатерины II полавочный сборъ былъ временно отданъ на откупъ ярославскому купцу Барсову, но вскорѣ, съ образованіемъ Нижегородскаго намѣстничества, мы видимъ ярмарку подъ управленіемъ казенной палаты, которая ежегодно командируетъ къ Макарію особаго чиновника для сбора полавочныхъ денегъ. Въ 1804 году для управленія ярмаркой была учреждена ярмарочная контора. Въ это время уже два года какъ возводились у Макарія новыя обширныя корпуса гостинаго двора; постройка его, стоившая казнѣ 679426 рублей, была окончена въ 1810 году.

Недолго, однако, суждено было ярмаркѣ существовать у Макарьевского монастыря. Съ расширеніемъ торговли стали обнаруживаться разныя неудобства изстари насиженнаго мѣста. Немало обходился казнѣ одинъ ремонтъ зданій, подвергавшихся ежегодно значительнымъ поврежденіямъ отъ весеннихъ разливовъ, наконецъ тѣснота заставила часть ярмарки перейти на другой берегъ Волги—на землю, принадлежащую частному владѣльцу, князю Грузинскому. Такимъ образомъ ярмарка раздѣлилась на двѣ части, черезъ Волгу переправлялись въ лодкахъ, перевозъ держалъ монастырь, сохранившій за собой до конца это единственное право.

Немало затрудненій представлялось и при перевозкѣ грузовъ по сыпучему песку лугового берега. Наконецъ, Волга, начавшая съ конца XVII столѣтія въ этомъ мѣстѣ измѣнять свое теченіе, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подмывала Макарьевскій берегъ, еще болѣе стѣсня мѣсто торга. На все это въ высшихъ правительственныхъ сферахъ было обращено серьезное вниманіе. Въ 1816 году къ Макарію

пріѣзжали государственный канцлеръ гр. Румянцевъ, которому лично на мѣстѣ пришлось убѣдиться въ важности всѣхъ этихъ неудобствъ. Онъ предложилъ купечеству перевести ярмарку въ другое болѣе удобное мѣсто, именно къ Нижнему, но купечество наотрѣзъ отказалось, особенно сильно протестовали противъ перевода ярмарки московскіе и ярославскіе купцы, и вопросъ остался открытымъ. Между тѣмъ осуществленію высшихъ правительственныхъ предначертаній помогъ услужливый случай. Только что въ этомъ году окончилась ярмарка, только что съ ея территоріи уѣхалъ послѣдній купецъ, какъ въ ночь на 18 августа среди ярмарочныхъ зданій вспыхнулъ пожаръ, какъ говорятъ, огонь показался сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ разныхъ противоположныхъ концовъ, когда-же жители города Макарьева бросились было на помощь, то увидали будто-бы всю территорію ярмарки окруженную казаками, не пускавшими народъ къ мѣсту пожара. Вся ярмарка вмѣстѣ съ только что 8 лѣтъ назадъ отстроенными зданіями сгорѣла до тла, осталось только два обгорѣвшихъ каменныхъ корпуса. Тогда окончательно было рѣшено перевести ярмарку въ Нижній.

По первоначальному проекту графа Румянцева ярмарку предположено было устроить на нагорномъ берегу Волги, около Нижняго въ началѣ казанскаго тракта около села Печерь, но выборъ этого мѣста былъ неудаченъ, — если у Макарьевского монастыря однимъ изъ главныхъ неудобствъ было слишкомъ низменное положеніе берега, то мѣсто, избранное Румянцевымъ, представляло другую крайность, оно было слишкомъ высоко для подъема грузовъ и слишкомъ далеко отъ воды, что представляло страшное неудобство въ противопожарномъ отношеніи; составлена была смѣта, по которой оказалось, что на одно снабженіе ярмарки водой потребуются на столько громадныя средства, что правительство наотрѣзъ отказалось принять этотъ неудачный проектъ. Тогда для ярмарки избрано было другое мѣсто на луговой сторонѣ Оки противъ города, близъ Кунавинской слободы, т. е. то самое мѣсто, гдѣ она происходила еще задолго до возникновенія Макарьевского торгова, еще въ XIV вѣкѣ, какъ это видно изъ одного лѣтописнаго сказанія 1354 года, гдѣ повѣствуется о «шалостяхъ» новгородской вольницы, побившей гостей, пріѣхавшихъ сюда торговать.

Въ слѣдующемъ 1817 году было предложено кушамъ поторговать одну ярмарку на указанномъ мѣстѣ, для пробы во временныхъ балаганахъ, а на слѣдующій годъ уже приступили къ построению здѣсь каменнаго ярмарочнаго гостинаго двора. Такимъ образомъ слишкомъ черезъ четыре столѣтія ярмарка возвратилась на свое прежнее мѣсто—на «Балахонскую стрѣльницу» къ устью Оки.

Работы по сооруженію ярмарочныхъ зданій поручены были извѣстному инженеру Бетанкуру *). Работы эти, начатыя въ 1818 году и оконченныя въ 1824, стоили правительству 11000000 ассигнаціями, т. е. около 3150000 р. серебромъ.

Гостиный дворъ, построенный Бетанкуромъ, состоялъ изъ 60 корпусовъ лавокъ, Главнаго Дома, кромѣ того имъ же былъ построенъ, хотя и по проекту Манферона ярмарочный соборъ; все это окружено каналомъ, теперь частью зарытымъ. Внѣ канала имъ же были выстроены въ правильной симметріи относительно гостинаго двора по обѣимъ сторонамъ его: съ одной стороны Армянская церковь, съ другой Магометанская мечеть. Какъ ни обширно было пространство, занимаемое гостинимъ дворомъ, но съ расширеніемъ торговли и его не стало хватать, мало-по-малу начали строиться по обѣ стороны канала внѣ черты гостинаго двора, постройки возводились деревянныя, которыя часто горѣли, особенно памяты пожары 1857 и 1858 годовъ, когда всѣ деревянныя постройки выгорѣли до тла.

Несмотря на предложеніе со стороны правительства выгодныхъ условій для занятія мѣстъ подъ постройку каменныхъ зданій, ярмарка внѣ Бетанкуровскаго канала все продолжала оставаться деревянной, наконецъ послѣ громаднаго пожара въ 1864 году купечество серьезно возбудило вопросъ о постройкѣ каменныхъ зданій. Однако, и послѣ того почти въ теченіи 20 лѣтъ до 1873 года, большинство построекъ оставались деревянными. Только съ этого года, благодаря усиленному содѣйствію администраціи, всѣ деревянныя зданія стали мало-по-малу замѣняться каменными.

Еще въ 1848 году на ярмаркѣ разрѣшена Биржа съ Биржевымъ Комитетомъ подъ предсѣдательствомъ нижего-

*) Французскіе инженеры Бетанкуръ, Манферонъ и Дестремъ были «подарены» Наполеономъ I Александрю I.

родскаго городскаго головы. Въ 1858 году ярмарочному купечеству предоставлено право въ Биржевой Комитетъ избирать предсѣдателя изъ своей среды, а въ 1866 разрѣшено избирать особыхъ уполномоченныхъ для обсуждения разныхъ вопросовъ, касающихся торговли. Въ первые-же годы собраніемъ уполномоченныхъ было возбуждено ходатайство передъ правительствомъ о передачѣ принадлежащихъ казнѣ торговыхъ помѣщеній гостинаго двора въ вѣдѣніе ярмарочнаго купечества. Высочайшее утвержденіе объ уступкѣ гостинаго двора въ собственность торговцевъ послѣдовало въ 1874 году. Къ 1887 году всѣ торговыя помѣщенія, за исключеніемъ находившихся подъ Главнымъ Домомъ, перешли въ частную собственность Биржевого Комитета, а въ слѣдующемъ году состоялась передача и Главнаго Дома съ флигелями. Старый Главный Домъ, построенный Бетанкуромъ и предназначенный для помѣщенія квартиры губернатора и разныхъ правительственныхъ учрежденій, къ этому времени пришелъ въ такую ветхость, что грозилъ разрушеніемъ, онъ уже года два какъ былъ закрытъ. Послѣ осмотра зданія образованной для того особой комиссіей оно оказалось до того ветхимъ, что ремонтировать его не имѣло смысла. Тогда по инициативѣ тогдашняго нижегородскаго губернатора Н. М. Баранова рѣшено было разобрать обветшавшіе корпуса и на мѣстѣ ихъ возвести новое зданіе. Постройка новаго Главнаго Дома, по проекту трехъ архитекторовъ: К. В. Треймана, А. Г. Грамбицкаго и А. М. фонъ-Гогенъ, подъ наблюденіемъ ярмарочнаго архитектора Н. П. Иванова, начата была въ 1889 г.; громадное зданіе окончено всего въ девять мѣсяцевъ и къ ярмаркѣ 1890 года открыто. Такимъ образомъ это одно изъ значительнѣйшихъ сооружений послѣдняго времени въ Россіи, возникшее во время губернаторства Н. М. Баранова и частью по его инициативѣ, можетъ служить какъ-бы памятникомъ пятнадцатилѣтняго его управленія губерніей. Всѣ эти 15 лѣтъ даровитый администраторъ и замѣчательный по своей энергіи челоуѣкъ посвятилъ неусыпнымъ трудамъ главнымъ образомъ по благоустройству ярмарки, которая дѣйствительно при немъ преобразилась; послѣ многихъ лѣтъ изумительной распущенности въ ней водворенъ былъ образцовый порядокъ, безпрестанные пожары, то-и-дѣло истреблявшіе всю деревянную часть ярмарки, постоянные

грабежи и даже убійства, составлявшіе нечто почти неразлучное съ обычнымъ до того строемъ разгульной ярмарочной жизни, положительно отошли теперь въ область преданій. За эти-же 15 лѣтъ управления Н. М. Баранова и торговые обороты ярмарки достигли высшей точки развитія, въ концѣ восьмидесятихъ годовъ дошедшіе почти до 300 милліоновъ *), съ этого времени, впрочемъ, начинается замѣтный упадокъ, чему частью способствуютъ и разныя экономическія причины, главнымъ образомъ цѣлый рядъ недородовъ хлѣба.

Изъ предшествующаго мы уже знакомы въ краткихъ чертахъ съ исторіей возникновенія и дальнѣйшаго развитія Макарьевского торжища. Въ прежнія времена, когда единственными удобными путями для перевоза большого количества грузовъ были естественные водные пути, при медленности прежняго сплавного и взводнаго судоходства огромную роль играли такіе центральные встрѣчные пункты, каковъ былъ пунктъ у Макарьевского монастыря, гдѣ встрѣчались ежегодно почти въ одни и тѣ-же дни верховыя и низовыя суда, вышедшія ранней весной съ двухъ противоположныхъ концовъ Волги. Съ развитіемъ пароходства, при быстротѣ передвиженія такіе встрѣчные пункты утратили свое значеніе, и ярмарка по естественнымъ причинамъ сама собою перетянулась къ важному узловому пункту—устью Оки подъ Н.-Новгородъ, гдѣ скрещивались два великихъ торговыхъ водныхъ пути, какъ Ока, омывающая своей системой притоковъ всю центральную, т. е. самую промышленную часть Россіи, и Волга, соединяющая внутреннюю Россію съ Востокомъ и посредствомъ Камы (при соединительномъ съ с. Двиной Екатерининскомъ каналѣ) съ Сѣверомъ **). Въ настоящее-же

*) Съ одними товарами, кромѣ банковыхъ оборотовъ.

***) Намъ могутъ сказать, почему-же въ XIV вѣкѣ ярмарка происходила на томъ-же теперешнемъ ея мѣстѣ, а не на встрѣчномъ пунктѣ у Макарія. Тому было двѣ причины: во-первыхъ, Нижній-Новгородъ въ тѣ времена при измѣнившихся путяхъ слѣдованія товаровъ во время татарскаго нашествія сталъ важнымъ транзитнымъ пунктомъ между Новгородомъ и Византіей, такъ какъ вмѣсто прежняго направленія по Диѣпру новгородскіе кушцы стали ѣздить окольнымъ путемъ черезъ Нижній Волгой, Дономъ Азовскимъ и Чернымъ моремъ, такъ что Нижній былъ для того времени центральнымъ пунктомъ на этомъ пути; во-вторыхъ, въ тѣ времена важное значеніе имѣла близость къ нижегородской крѣпости.

время при развитіи желѣзнодорожной сѣти и этотъ узловой пунктъ у устья Оки годъ-отъ-году начинаетъ утрачивать свое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачиваетъ свое значеніе и самая ярмарка *Нижегородская*, впрочемъ, значеніе ярмарки, какъ складочнаго пункта, давнымъ-давно утратилось для большинства товаровъ, давно торговцы перестали свозить, какъ бывало прежде, весь наличный заготовленный товаръ на «Макарьевскую» къ Нижнему, а привозятъ теперь лишь образцы, съ недавнихъ-же поръ нѣкоторыя крупныя фирмы *) и вовсе перестали выѣзжать на ярмарку, находя выгоду для себя, при удобствахъ сообщенія, отправлять свой товаръ прямо съ мѣста заготовки, со своихъ заводовъ непосредственно на мѣста спроса.

А. Мельниковъ.

*) Желѣзнаго рынка.

